

18+

Неборник

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Неборник Среда обитания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65631786

ISBN 9785005349835

Аннотация

Автор книги «Среда обитания», выбрал автобиографический способ описывая социальной среды своих родственников и социальную среду многочисленных коллективов где он жил по принципу «сам погибай, а друга – выручай»! Автор – социалист, как и его отец и такой же, трудяга и просветитель, как и его дед. Их КРЕДО – жить на благо семьи, общества, социальной среды, государства, постоянно укрепляя и приумножая знания, мастерство, опыт и стремление передавать свой накопленный опыт подрастающему поколению! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Семья Нечаевых	5
Дмитрий Ильич Нечаев	35
Варвара Ивановна Нечаева	59
Таисия Ивановна Ширинкина	77
Валентина Петровна Горохова	96
Татьяна Васильевна Нечаева	120
Анатолий Николаевич	130
Николай Николаевич	140
Виктор Николаевич	145
Зинаида Николаевна	152
Детство	165
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Среда обитания

Неборник

Корректор Сергей Ким

Дизайн обложки Мария Бангерт

© Неборник, 2021

ISBN 978-5-0053-4983-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семья Нечаевых

На фото: в белой кофте – моя мама; в белой рубашке – мой отец; в левом верхнем углу – бабушка Варя; слева от бабушки – Зинаида со своим первенцем Владимиром (на руках); слева от Зинаиды – мой младший брат Виктор; Справа от отца (наверху) – это я, Борис; чуть пониже – мой брат Николай; в нижнем ряду (в погонах) – дядя Геннадий с женой Татьяной; справа от меня – муж Зинаиды Василий; справа от Василия – две тётки

Моя мама, Клавдия Андреевна Нечаева (в девичестве Горохова), родилась в деревне Першино Оханского уезда Пермской губернии в 1909 году в семье зажиточного крестьянина Горохова Андрея Петровича. В их подворье были и коровы, и лошади, куры, гуси, овцы, большой огород и своя баня. Жили Гороховы своим натуральным хозяйством.

Андрей Петрович своим упорным крестьянским трудом в полной мере обеспечивал всю свою семью из четырёх человек (жена, дочь, сын), а излишки, которые составляли около 40, а иногда и до 50% от всей произведённой продукции, поставлял на рынки волостного города Оханска и губернского города Перми.

Весь его товар можно было бы отнести к производству продуктов сельхозназначения: молочные продукты, перо, пух, яйца куриные, масло скоромное, мясо (говядина, свинина, баранина, птица), овощи (картофель, лук репка, чеснок, свёкла, морковь, капуста, тыква, репа, солёные огурцы бочками, квашеная капуста бочками). Андрей Петрович продавал также вживую коров, свиней, овец и птицу: гусей, кур, цыплят, утят.

Такой уклад сельскохозяйственной жизни складывался веками. И это был естественный механизм взаимного сотрудничества между горожанами и селянами. Общение между горожанами и селянами было не только на территории рынков городов, но и внутри сельской среды, когда горожа-

не по той или иной причине хотели обзавестись какой-либо живностью...

В принципе, крестьянская семья Гороховых представляла собой типичный образец нормальной крепкой крестьянской семьи с устоявшимся товарооборотом: прокормить свою семью, а излишки – поставлять на рынок. И тем самым, из года в год укрепляя свои внутренние ресурсы и поднимая своё достоинство (достояние), укреплялась и естественная связь города и деревни. И зажиточными-то Гороховых считали только в самой деревне Першино, в которой было много слабых хозяйств вследствие несбалансированных производственных сил... В некоторых семьях мужиков-то было не более двух, да и второй-то – в младенческом возрасте. А были и семьи с четырьмя, пятью девочками. Конечно же, такие семьи всегда поддерживались общим крестьянским сходом: с миру по нитке – голому рубаха, и они, естественно, выбывали из состава связки город – деревня.

Андрей Петрович старался жить размеренно, без суеты и особенно-то не выделялся из общей массы першинских крестьян. Особой дружбы ни с кем не водил. Бражничеством, как некоторые, не занимался. Но все праздники и посты соблюдал строго! Детей у Гороховых было двое – Клавдия да Владимир. По этой причине Горохов-то и не стремился расширять своё хозяйство, а полученные от продажи денежные средства всё время копил и копил, складывая их в тайник, устроенный в нише русской печки. За всю свою

жизнь Андрей Петрович накопил более трёхсот екатерининских рублей. Они-то и были обнаружены после его смерти при разборке уже никому не нужной печки на кирпичи.

Все екатерининские рубли так высохли, что при попытке их развернуть быстро превращались в труху.

Вот так, дорогой мой читатель, копить всю жизнь денежки в цветных бумажках, да ещё и в печи, где всё время горячие кирпичи – пустое дело!.. А триста рублей царскими рублями – это были очень большие деньги! На них можно было бы выстроить целую деревню или купить три стада коров и стать настоящим богатеем. Но только вот Андрей Петрович боялся обнародовать своё богатство. Семья-то маленькая – сын один да дочка! Как разворачиваться-то, кому довериться?! Людишек-то без кола, без двора много было в округе. Гляди, как прознают, что мошна-то не пустая – в момент ограбят, а то и дом спалить могут. Да и умишком-то крестьянин был недалёк. Всё таился, таился! Ни жене, ни сыну про свой капитал не рассказывал. И перед смертью своей о тайнике никому не поведал. Сын знал, что у отца есть деньжишки и немалые, но любой разговор с отцом о строительстве нового дома для сына всегда заканчивался тем, что мал ещё, не дорос с отцом-то так разговаривать! А когда дело подошло к женитьбе своего единственного сына, отец раскошелся слегка, но не на хороший большой дом, а на небольшую избёнку. Всё время слушал, а что соседи скажут... Откуда, мол, у Андрея Петровича капитал взялся?! Всё скрыт-

ничал, копил, а для кого или, вернее, для чего копил-то, так никто и не узнал. А когда тайна раскрылась и стала явью, то все как-то и подувяли. Вон сын-то едва концы с концами сводит, а отец-богате́й – даже и завещания-то никому никакого не оставил.

А теперь я хочу рассказать вам, мои дорогие читатели, как моя мама Клавдия Андреевна жила в семье Нечаевых после своего замужества за моим отцом – Николаем Дмитриевичем Нечаевым...

О своей жизни в семье Нечаевых мама рассказывала так: – Нечаевы появились в Пермской губернии после смерти царя Александра III. Откуда они конкретно прибыли (появились) – я не знаю, да и отец твой об этом мне ничего не рассказывал. Всё время шутил: «Клавушка! Земля-то круглая! Могущему-то человеку всегда работёнка найдётся!»

Нечаевы жили на широкую ногу. У них было всё, как в городе. И для нас, для незамужних деревенских девушек, выйти замуж за Нечаева считалось – жить в достатке, в удовольствии и весело! А жили Нечаевы своим отдельным поселеньем – нечаевским, в двух верстах от деревни Першино вдоль левого берега реки Камы. Это был своего рода хутор или небольшая деревенька. А я бы даже назвала – казачья крепость, которую организовал и построил Нечаев Дмитрий Ильич вместе со своими двумя братьями Иваном и Петром.

Если посмотреть на нечаевские строения со стороны, то

дома на хуторе стояли как бы вытянутым кругом, напоминая форму яйца, образуя внутри огромный двор, а скорее всего, площадь. Между домами стояли дворовые пристройки. Получалось что-то вроде крепости, закрытой со всех сторон. С южной стороны были большие двухстворчатые ворота на огромных кованых петлях, а рядом – калитка для прохода. С северной стороны были небольшие одностворчатые ворота, которые почти всегда были заперты. Их открывали только во время страды. Весной – во время посадки и осенью – во время уборки урожая. На востоке, в сторону небольшой речушки Малявки, на которой была поставлена Дмитрием Ильичом деревянная мельница для обмолота зерна, тоже был выход с одностворчатыми воротами и калиткой. Там можно было проехать и на телеге, и верховому на коне, но только пригнувшись.

Внутри двора были три больших собаки, четыре кошки. Днём собаки были на привязи, а на ночь их выпускали во двор. Днём собаки казались совершенно безобидными, добрыми и ни на кого не лаяли. А вот ночью, когда их спускали с цепей, они готовы были разорвать любого непрошеного гостя. Собаки были чёрной масти, ростом выше моих колен. Грудь и лапы были широкими. Морда – тупая, не такая, как у лайки. Днём южные ворота всегда были открыты настежь – заезжай, заходи любой, кому надобно или что подкупить, или лошадь подковать, или похарчевать да продуктов для своей семьи прикупить, а может быть, и какую-нибудь

одежонку для себя или своей семьи справиться (полушубок, шубу, тулуп, сапоги или валенки, а возможно, и дамскую сумочку с перчатками, а можно и саночки для детишек или телегу подобрать, коли лошадёнка в своём хозяйстве имеется, а может, и что-то под заказ смастерить: стол, табурет, скамейку, деревянную бочку вёдер на двадцать, а то на сорок, или шайку, или кадушку под капусту, огурцы) – у Нечаевых-то всё возможно. И зерно смолоть, и берёзовые туесочки с крышечкой под сметану заказать или заказать корзины из ивовых ветвей под бельё и под овощи, а то и для пряжи, если кто умеет прясть да ткать. У Нечаевых-то всё найдётся – если не сейчас, так под заказ – любую вещь можно справиться! Кузница у Нечаевых целый день была настежь открыта. До самого позднего вечера молотками стучат и стучат. То борону правят, то подковы куют, а то обручи для бочек справляют. Народ там всё время толпится – кому-то всегда что-то надо сделать, в любое время года – хоть зимой, хоть летом.

Летом с реки Камы на телегах возили во двор валуны (большие округлые камни, оставшиеся ещё со времени ледникового периода) размером с детскую голову – весом с полпуда и более (пуд – сорок фунтов, а фунт – четыреста граммов). Округлые камни складывали поближе к северным воротам. С левой стороны площади складывали валуны весом не более пуда, а справа – валуны покрупнее. Крупные – использовали для окантовки брусчатой площади. Они служили

и защитой от размывания зелёного газона во время больших и продолжительных дождей, особенно поздней осенью.

Всеми работами по укладке мостовой руководил сам Дмитрий Ильич. Он давал указания наёмным людям по укладке валунов. Малые валуны – по окраинам площади сразу за большими валунами, а поболее – в центральной части мостовой. Он указывал работникам, где подсыпать песка побольше, чтобы не было ни ям, ни луж, образующихся во время сильных дождей. Благодаря этой мостовой во дворе не было ни грязи, ни колеи, ни выбоин, как это было в других деревенских селениях. По краям брусчатки, метра на два-три ближе к постройкам, была густая очень зелёная трава, по которой мы, женщины, да и ребятишки тоже с преобладающим удовольствием бегали босиком. Особенно было приятно пробежаться по этой зелёной травке по утрам! Утром рано молодая трава, ещё насыщенная росой, приятно щекочет ножки. Ласкает, освежая их, и наполняет, и питает своим божественным нектаром, и силу, бодрость ножкам придаёт! После такого утреннего раздолья и наслаждения с упоением всё время хочется смеяться и играть, и что-то сделать доброе, большое и святое! Ну, скажу прямо – всю свою семью лелеять, и любить, и обнимать, и бесконечно счастье им дарить, и целовать и целовать! И эту прекрасную, лелеяную жизнь мне муж, свекровь и свёкор – подарили. И я в этой чаше, полной счастья и любви, жила, жила и жила! И только сейчас я поняла, как жизнь прекрасна и мила, коль ты лю-

бима бесконечно и мила... И я – любила всех и трепетно, и нежно! И до сих пор вспоминаю с упоением ту жизнь, наполненную верой, славой и трудом. Да! Да – трудом! Трудились все мы от рассвета до заката. И спать ложились мы – без задних ног! Убитые работой и полон рот забот! А на рассвете – чуть заря – вскочить и снова за работу до праздника весёлого, когда и поиграть, и поплясать, не грех и выспаться – хоть до утра! А поутру – подняться человеком и всех-всех благодарить!

У Нечаевых было четыре больших пятистенных дома, большая конюшня, где стояло до дюжины лошадей, своя кузница, много дворовых построек (амбаров), где хранили продукты. Был большой сарай для сена, соломы, большой коровник на семь-восемь коров, птичник – там были и куры, и утки, и гуси; сарай для овец, для свиней и коз. Была своя пасека, столярная мастерская, мельница для обмолота зерна и, конечно же – большая баня. Баню топили каждую субботу. Сперва в жарко натопленной бане мылись мужики. В бане была и большая парилка, где мужики охаживали друг друга берёзовыми вениками. После хорошей парилки мужики окунались в купель, которая всегда омывалась водой после мельницы. Вода в купели была проточная и поэтому всегда была прохладной и оздоравливающей. Сама купель была разделена на две части. Первая – маленькая (мелкая) часть купели, где купались и ополаскивались ребяташки, а затем большая – для взрослых (мужиков и баб).

Нечаевы на своём подворье делали сани, кошёвки, телеги и саночки для детворы. Делали скамейки, столы, табуреты, разную кухонную утварь (толкушки, ухваты, лопатки из осины, клюки для печи и загнетки, заслонки), люльки для новорождённых. Была просторная мастерская-шорня, где шили хомуты, сбрую, сёдла. Была мастерская по выделке хромовой кожи. Была отдельная большая комната, где валяли валенки и шили сумки, перчатки из хромовой кожи.

В нашей деревне Першино, где я родилась, козью шкуру никто не ценил, а тут я узнала от Дмитрия Ильича, что козья шкура – самая тонкая, мягкая, эластичная и что для дамских перчаток и сумочек она самая лучшая и годится для изготовления мехов для гармошек. Была у Нечаевых и мастерская по пошиву сапог, дамской и детской обуви; была ткацкая, где пряли и ткали холсты и ткани из льняных ниток. В ткацкой стояли четыре ткацких станка и четыре зингеровские швейные машинки, на которых мы шили и вышивали одежду. Шитьём и вышиванием в основном занимались в зимнее время после уборки урожая. Зимой к Нечаевым приходили женщины и девушки поучиться мастерству и в пряже ниток из кудели, и в изготовлении тканей на ткацких станках из своего (принесённого с собой) сырья, да и всегда была возможность подработать у самого хозяина – Дмитрия Ильича. Учились и шитью различной одежды (рубашек, кофточек, штанишек и штанов и даже армяков, кафтанов и головных уборов (колпаков)).

Отдельно была мастерская для изготовления музыкальных инструментов – балалаек и гармошек. В эту музыкальную мастерскую Дмитрий Ильич никому не разрешал заходить без его присутствия. Все музыкальные инструменты Дмитрий Ильич делал сам, а планки для гармошек и струны для балалаек – привозил из Италии или большого города и частенько приговаривал: «Да, много браку городского, – нынче только дюжину планок подобрал, снова придётся ехать в Италию. Да! Не ближний свет, а куда деваться-то?! Итальянцы – мастера! Веками музыкальные инструменты создавали! У них и поучиться – не грех!»

Во время поездок за границу Дмитрий Ильич познакомился со своим будущим другом Ширинкиным Алексеем Петровичем, с которым они позднее даже и породнились, женившись на родных сёстрах: Варваре Ивановне и Таисье Ивановне.

Алексей Петрович Ширинкин был купцом первой гильдии Пермского уезда и владел двумя пароходами, которые ходили по рекам Кама и Волга до Астрахани и обратно. Помимо перевозки пассажиров и грузов, Алексей имел деловые отношения с мастерами местных артелей (вдоль этих рек) по изготовлению разнообразных детских игрушек. Каждый раз посещая Германию и Австрию, он привозил оттуда образцы детских игрушек, которых не было в России, и раздавал местным российским мастерам для их воспроизводства.

А затем изготовленные местными мастерами игрушки скупал оптом и продавал уже на ярмарках и в лавках больших городов.

Налаженными Алексеем Петровичем каналами распределения иностранных игрушек среди русских мастеров для изготовления подобных игрушек и продаж их оптом купцом Ширинкиным – в дальнейшем воспользовался и Дмитрий Ильич, продавая свои музыкальные изделия собственного производства – гармошки и балалайки.

На нечаевском хуторе всё было хорошо отлажено до последних мелочей, но режим работы в этой нечаевской «колонии-крепости» резко отличался от режима работы в деревнях. В деревне иной раз можно было и до обеда, образно выражаясь, проспаться, а у Нечаевых – не забалуешься... Трудовой день на хуторе начинался с четырёх часов утра и продолжался до десяти часов вечера с перерывом на обед – на два часа. Днём все спали около полутора часов.

Однажды мама мне с грустью призналась:

– Боря, мечты-то с реальностью – ох как расходятся. Я-то ведь поначалу думала, что, выйдя замуж за Николая, попаду прямо в рай. А когда окунулась в эту трудовую жизнь, то сразу и поняла, что попала я не в рай, о котором мечтала, а попала в самую настоящую «трудовую колонию». Ведь при таком-то огромном хозяйстве – можно с ума сойти! С самого раннего утра и до позднего вечера – надо было трудить-

ся и трудиться. Успевай только поворачиваться, как в самом настоящем муравейнике или в пчелином рою! Все куда-то бегут, торопятся, кричат, отдают друг другу какие-то распоряжения, указания, и все что-то делают и делают. И все какие-то чем-то одержимые. Разговоры какие-то очень короткие и чёткие: «Ты что стоишь-то? Тебя куда нарядили-то? Так, кузница-то вон – справа от ворот! Давай-давай – пошевеливайся!» Или: «Ну, что ты встал посреди площади с мешком-то на плечах, как с пустопорожней торбой? Мельница? Так, мельница-то всегда на высоком месте стоит! И нечего глазами-то шарить понизу! Вон! Тропинка-то вверх пошла – так там и мельница! Давай-давай, шевели лаптями-то пошире!» Или: «Ну, что ты стоишь посреди площади, как в лесу? Куда? Похарчевать? Так у тебя нюх-то есть? Где вкусно пахнет-то? Так туда и иди!» И так каждый день! «Что? А! Где? Куда? А, не подскажите? Понял! Живёшь, как в муравейнике! Всё надо, надо и надо!»

Да! Боренька! Рай-то, оказывается, с неба не сваливается. Я ведь даже однажды к своей маме убежала, чтобы поплакаться на её груди, пожаловаться на свою долю – судьбу горемычную, как мне казалось по первости... Хотелось пожаловаться матушке своей! Что не могу я вот так больше жить, немоготу мне такой рай-то! Хотелось поплакаться, что недосыпаю я, руки болят, ноги подкашиваются от усталости. Роздыху нет от этой бесконечной работы с утра до ночи...

В это раннее утро моя мама (Валентина Петровна) была уже давно на ногах. Печь её пылала жаром, два чугуна горячей воды стояли рядом с корытом, в котором мама начала во дворе стирать бельё. Так она меня, свою единственную дочь, вместо того чтобы утешить да приголубить, на что я так рассчитывала и надеялась, увидев моё заплаканное лицо, как начала меня прямо из корыта мокрым бельем охаживать то с одной стороны, то с другой да кричать: «А, ты что, голубушка, думала? Что жизнь-то – только одни прянички кушать? Ты что это надоумила? С раннего утра позорить меня сюда прибежала! Ты что это ко мне припёрлась спозаранок, да ещё и без мужа?! А ну-ка! Давай разворачивай свои оглобли и немедленно! Сей же час! Убирайся с моего двора к своему мужу! И чтоб я тебя такой никогда здесь больше не видела! Без мужа ко мне – ни ногой! Тебя замуж выдали, а ты что тут выдумала... Роздыху у неё нет?! А у меня есть этот роздых-то?! Ты только проснулась, а у меня уже печь подошла! Хлеба надо ставить! А я тут на тебя время должна тратить! А ну марш в свой дом! Теперь дом твой там, где твой муж! И не позорь меня! Убирайся долой с глаз моих!.. И на жалость мою – не рассчитывай! Ишь ты, какая цаца нашлась! К матери жалиться прибежала. А ну! Быстренько пошла прочь с моего двора, пока я тебя ещё батогом не огрела!»

Бросилась я бежать прочь от своего когда-то родного, любимого дома. Добежала до опушки леса и прямо упала лицом

вниз в высокую, зелёную, ещё мокрую от росы траву и начала навзрыд горькими слезами заливаться... Да как же это так?! Родная моя мать и вот так, отшлёпав меня мокрым бельём, – выгнала свою родную единственную дочь со двора?! А где приют-то мне найти?! К кому головушку-то прислонить?! Вот так! Моя родная, собственная мать – и со двора... А как же дальше жить-то?! Совет спросить-то у кого? Соседи иль подружки – так ведь и у них своих же дел полно... Как говорят, чужую-то беду я вмиг руками разведу! Но то чужую! А вот свою-то как?! Я головы не приложу...

Но что тут поделаешь-то? Ревы не реви, а жить-то как-то дальше надо?! Солнце поднялось уже высоко, и я подалась обратно в свою, так сказать, «трудовую колонию», куда меня выдали замуж. А куда деваться-то?! Нет больше места мне нигде! От собственного родного дома меня уже отлучили, а своего дома я ещё не поняла, ещё не приняла... Где он? К этому огромному трудовому «муравейнику» я ещё не прикипела – уж больно строгий там уклад! Детей ещё как будто нет – это с одной стороны. А с другой – я ведь замужем уже не первый день! У меня всё есть (и есть где спать, и есть что покушать, и есть что надеть, и как будто бы меня все любят). А вот своего-то конкретного семейного гнёздышка-то я пока ещё и не свила, не сумела создать. Живу-то я хорошо, можно сказать. Только вот радости-то как-то я никакой не чувствую! Как будто бы живу в гостях. Народу у Нечаявых полным-полно, как на ярмарке – не заскучаешь! Гомон,

крики, разговоры без конца. Кругом кипит работа. Стук молотка – мешок серебра! Следующий подходи! Быстро говори! Какая напасть иль просьба у тебя?! Сам умеешь? Становись! Покажи свою сноровку! Не умеешь – ничего, вот тебе учитель, мастер и кузнец – следуй за ним и тоже будешь молодец! При такой сноровке – знай свой разворот! При такой подковке – конь не упадёт! Ты учишь смекалке, ритм свой создавай – каждому мальчишке рот не затыкай! Он потом спасибо скажет и во сне – это мой учитель, он всегда при мне! Я сама, как белка, знай себе тружусь, только вот никак я в ритм-то не вольюсь. Эти – все рукастые, не с нашего двора! Им ведь всё подвластно – прямо чудеса... Нет для них преграды – всё им подавай! Что избу, что короб – знай да принимай! Им бы самолёты строить прикажи! Я не сомневаюсь – им только скажи! Земский староста с утра попросил их пять домов к осени построить, но в задатке отказал, материал поставил в срок, так не прошло и трёх недель – сруб уже готовый. Староста в восторге был и задаток им – выложил сполна! Рано, рано спозаранок пилы завизжали, топоры застучали. Козлы и леса срубы окружили! Не поверишь – пять домов к осени поспели! Я жила как в сказке – кто же их нашёл, этих всех рукастых с бечёвочкой в руках. Быстро брёвна раскидали, толстые под низ. Угольком всё подписали и в блокнотик записали. И, никаких тут чертежей – всё в уме, в блокнотике! Здоровенных мужиков – приняли в подряд. Утром сруб с нуля пошёл, к вечеру – голов не видно! Да! От-

куда эти Нечаевы появились, я до сих пор не знаю, да и моя мама мне не сказала. А мой отец мне строго говорил: «Меньше знаешь – крепче спишь, твоё дело только – учись и учись! У каждого из нас своё время жить и понимать! А без знаний – никуда! Как котёнок – одна слепота!» Потом, спустя много-много лет, говорила мне моя мама, когда я научилась и шить, и ткать, и печь, и многое-многое по хозяйству делать... Только тогда я почувствовала и радость, и удовлетворение от своей работы. Пришло понимание и наслаждение от красоты и пользы своего труда, а вернее – от того, что это сделала Я! Да! Я! Сама! И только тогда я почувствовала себя полновластной хозяйкой, и хозяйкой своей семьи, и своего мужа! Особенно я любила шить и вышивать мужские рубашки-косоворотки и женские блузки. Научилась ткать половики, коврики разноцветные, лоскутные одеяла...

Ох! Боря! За такой-то любимой работой – сердце радуется не на радуется! Цвета для будущего одеяла подберёшь, орнамент придумаешь, и такая красота получается – словно цветы на лугу! Так и хочется петь от красоты своей работы!

А ещё я так научилась печь разные вкусности, сладости и разное печено, которые все кушали с большим удовольствием и меня все хвалили! И мне это почему-то даже очень и очень нравилось! Особенно мне удавался разборный пирог с яблочным повидлом или вареньем из чёрной смородины. С виду он выглядит, как будто бы обычный хлеб с румяной корочкой. А когда разлочишь этот «хлеб» – то он

превращается в пирог, который рассыпается прямо на глазах на множество пончиков... Таких ароматных, сладких, нежных и очень-очень вкусных. Для гостей это было всегда неожиданно и приятно. Это был мой коронный выход к столу во время больших праздников... На Новый год, Рождество или Пасху!

Я, Нечаев Борис Николаевич, вспоминая своё детство, а помню я себя с двух с половиной лет, всегда видел свою маму Клавдию Андреевну занимающуюся в основном домашним хозяйством и воспитанием детей. Нас было шестеро: Зинаида – старшая сестра, 1928 г.р., Анатолий – старший брат, 1931 г.р., я – Борис, 1934 г.р., Николай – младший брат, 1937 г. р. Потом (после войны, в 1947 году) родился меньший брат Виктор. И с нами также всегда жила Варвара Ивановна – папина мама, наша бабушка, которая помогала вести домашнее хозяйство. И так три поколения жили вместе: бабушка, родители и дети. Жили мы, сколько я помню, на съёмной квартире (в самой большой комнате) барского особняка из красного кирпича с отделкой из белого камня бывшего помещика Балатова. В это время – до 1939 года – я ничего не знал и ничего не слышал о наших ближайших родственниках, которых было много и все они жили где-то там – далеко-далеко...

В 1939 году появился старший брат моего отца Иван Дмитриевич Нечаев и организовал постройку пятистенно-

го частного дома вблизи города Перми – в посёлке Новый Плоский. «Новый» – это понятно, что новостройка, а вот почему «плоский», а не круглый, и не толстый, и не квадратный – непонятно. Ну, плоский так плоский. Зато новый, и наш дом тоже новый, в который мы переехали жить на постоянное место жительства. Впоследствии посёлок разросся и стал составной частью миллионного города Перми. Там, в этом посёлке Новый Плоский, продолжилось моё детство и наступило отрочество. Там я получил своё первое техническое образование, закончив геофак Пермского нефтяного геологоразведочного техникума. В этом доме нас и застала Великая Отечественная война. И как только отец узнал о нападении фашисткой Германии на Советский Союз, он тут же ушёл на фронт защищать свою, нашу Родину! Мама тоже встала на «военные рельсы» и пошла работать на завод им. Ф. Э. Дзержинского, обеспечивая нас хлебом, а воинов Красной Армии – снарядами, минами и пулемётами. Вслед за мамой на этот же завод пошла работать и моя сестрёнка – тринадцатилетняя девочка Зинаида. В то тяжёлое военное время все работали по шестнадцать часов, а некоторые и совсем домой не ходили – ночевали там же в цехе около тёплой трубы. На заводе широко использовалось стахановское движение. И моя мама тоже стала стахановкой. Она была награждена многими почётными грамотами, получала подарки, и её портрет всегда находился на Аллее Трудовой Славы, которая начиналась прямо с проходной завода.

Я помню, как моя мама, Отличница Трудовой Славы, получила вещевой подарок для детей. Среди прочих вещей был подарок и для меня – очень красивые, прочные, из джинсовой ткани американские шорты с семью карманами. Да ещё и с заклёпками на всех карманах! Да! Таких штанишек у ребят ни в школе, ни на улице – ни у кого не было, а у меня были и даже с семью карманами. Соседние ребята мне завидовали, а я им говорил: «Это моя мама заработала! Она работает на заводе имени Дзержинского, и моя мама – станковка!»

Мама держала нас в строгости и учила труду, терпению, уму-разуму, самостоятельности и всегда повторяла: «Семь раз отмерь – один раз отрежь!»

Выжили мы в те тяжкие военные годы только благодаря нашей маме Клавдии Андреевне.

За мудростью к маме многие приходили. И деревенские, и соседи, и всегда она находила и чем утешить, и как подбодрить, и как хворого на ноги поднять, поставить!

Мама хорошо умела приготовить квас в домашних условиях на своих продуктах. И летом варила квас по-своему, ещё по нечаевскому рецепту. От этого ядрёного кваса, который так бьёт в нос, никакая хворь удержаться не может. Выпьешь кружечку такого кваса, и сразу как-то силы в тебе просыпаются, и грудь сразу расправляется. За рецептом такого кваса приходили многие люди, но как-то у них не получа-

лось. И тогда соседи и подружки собирались вместе и с помощью мамы готовили себе квас. Получались прямо какие-то кухонные курсы... И про эти «курсы жизни» мама рассказывала и своим подругам, и соседям... Мама свою школу формирования «крестьянской жизни», «крестьянской закваски» прошла в деревне, а после замужества, как она сама говорила, и в «трудо­вой колонии», где, говоря современным языком, формировался самый настоящий «крестьянский спецназ».

И моя мама рассказывала всем желающим, а их становилось всё больше и больше, как формировался (закалялся) этот «крестьянский спецназ». Учили так, что не всякому было по плечу вынести все тяготы крестьянской жизни. Работали и учились только те, кто действительно хотел хорошо жить. А для этого нужно было не только иметь желание, но и должна быть жёсткая дисциплина и в труде, и в учёбе! Все люди были вольные. Никого насильно не принуждали. Но если уговор не соблюдаешь – прощай! Ищи себе другую крестьянскую долю! Распорядок был простой. Время работы по уговору: от посевной – до полной уборки урожая.

Перед посадкой – яровизация посевного материала и подготовка земли (пашня, культивация, подкормка). Питание для работников – полный пансион (завтрак, обед, ужин). Ночлег – по договору! Живёшь близко – ночуешь у себя дома, а утром – сразу к месту работы (завтракаешь дома). Живёшь далеко – ночлег на базе (в хозяйственных пристройках

хутора). Три опоздания на работу – выбываешь из коллектива с расчётом за отработанное время!

На работу можно устраиваться и с женой, и с братом или другим близким родственником. Чужих на работу не принимали! Слишком много было разного блудного люда. Кормильцу многодетной семьи – каждый вечер выдавался социальный паёк на каждого малолетнего ребёнка. Трудовой подъём на хуторе начинался в четыре часа утра. Затем завтрак и начало трудового дня. До десяти часов утра нужно было сделать не менее 50% работы, затем второй завтрак. Короткий перерыв – четверть часа, и снова за работу! В полдень – обед, а затем дневной сон на полтора часа и снова работа до девятнадцати часов. Ужин – до двадцати часов. В общей сложности каждый работник работал с учётом отдыха не менее десяти часов в сутки. Кто не работал в крестьянстве – тому не понять, что это такое! Во время страды каждый час недели стоит! Или ты будешь с урожаем, или гуляй по миру. Вот в такой-то обстановке и формировалась крестьянская закваска – понимание своего дела! И это касалось всех! И моей мамы, и всех других родных и наёмных работников.

Научившись разнообразному ремеслу и освоив их, Клавдия Андреевна и сама старалась всегда помочь всем страждущим и поддержать их и духом, и делом в эту длинную лихую крестьянскую годину. И принцип-то был простой – всегда думай о будущем! Работая весной, думай об осени!

Работая летом, тоже думай и соображай, а какой же будет урожай! На какую возможную прибыль ты можешь рассчитывать после полной уборки урожая! Людей много, и все они разные, но они все и всегда готовы прийти на помощь друг другу! Мы народ! И мы воистину одна семья!

Вот и Клавдии Андреевне однажды помогла одна совершенно незнакомая старушка – Мария!

У мамы очень болела левая грудь, и она не знала, что ей делать, куда деваться от этой нестерпимой боли, как вдруг неведомо откуда появившаяся пожилая женщина (старушка Мария) приняла самое действенное участие в помощи страдающей маме! Встретились эти две женщины случайно в больнице после несостоявшейся операции по удалению у мамы левой груди (врач-хирург, который должен был делать операцию, заболел). Мама была очень расстроена и всё причитала и причитала, что нет другого хирурга, а терпеть боль в груди нет никакой мочи. Мария поинтересовалась, что случилось, и, выслушав, сказала моей маме: «Матушка! Да что ты так причитаешь-то! У тебя мужики-то в доме есть? Ну! Так коли есть, так пусть они в Балатовском овраге накопают тебе красной глины ведро. Ты эту глину разведи до густого состояния, поставь на огонь и доведи до сорока градусов. И делай себе компресс из этой глины в течение целой недели. Через неделю у тебя всё пройдет и никакой боли не будет!» Так всё и случилось. В первые два-три дня

красная глина после использования была совершенно чёрного цвета. А в последующие дни чернота глины стала постепенно исчезать и к концу недели совсем исчезла.

Да! Через неделю грудь уже совсем перестала болеть, и Клавдия Андреевна продолжала жить как ни в чём не бывало! А выздоровевший врач-хирург с помощью медицинской сестры вновь пригласил маму в больницу и сказал, что он тут долгое время проболел и прошло уже много времени... И теперь нужно снова провести обследования, сделать новые снимки, прежде чем вас, Клавдия Андреевна, подготовить и приступить к отложенной из-за болезни врача операции.

Мама рассказала доктору про старушку Марию, и про красную глину, и про методику лечения... Но хирург сказал, что это всё бабкины рассказы и не надо слушать весь этот бред про какие-то народные средства... Вот сделаем снимки и тогда посмотрим, что надо будет делать... После нового обследования и просмотра снимков врач сказал:

– Чудеса!.. Хорошо, что я заболел, а не-то остались бы вы, матушка, без груди...

И вот так! Случайная встреча со старушкой и случайная болезнь врача-хирурга – спасли маму от операции по удалению левой груди!

А теперь, мои дорогие читатели, я хочу вам рассказать, как мы с моей женой Натальей однажды отдали своего сы-

на Игоря в возрасте четырёх лет на воспитание моей маме Клавдии Андреевне на целый год в город Пермь. Почему отдали бабушке так надолго? Оба работали и учились, длинные концы на дорогу, везде еле-еле успевали, а часто и просто опаздывали.

Игорь и бабушка в основном жили в зелёной зоне города Перми, но тем не менее летом часто выезжали пожить в деревню к родственникам. Игорь, как способный мальчишка, быстро освоился с фольклорной речью деревенских мужиков, да и баб, и легко вставлял матерные слова, да и при том к месту, из деревенского лёгкого жаргона. В деревне, особенно в летнюю пору, всегда было полно мух, которые, несмотря на марлевую занавеску на входной двери, были постоянными назойливыми летунами. Приехав в Пермь, дабы навестить нашего сына, мы сразу же уехали в деревню, где Игорь с бабушкой отдыхали у маминой золовки – Тамары-доярки. Время было обеденное, и мы все вместе сели за один общий большой стол. Летом, как правило, на обед готовили окрошку из овощей на простокваше с варёными куриными яйцами. Окрошку разлили всем по эмалированным мискам, и в это время одна из любопытнейших здоровенных мух с лёта плюхнулась прямо в Игореву миску с окрошкой. Игорь мгновенно схватил ложку и со словами: «У, блядь!» – выкинул муху из миски. Слышать такие слова для городских родителей – это было сверх всякого приличия! Да ещё и за столом! Да ещё и прилюдно – какая невоспитанность! Да ещё

и так обыденно, как будто это всё было в порядке общепринятого лексикона среди порядочных милых людей! Это было воистину возмутительно! И Наташа, мама Игоря, тут же шлёпнула сына по губам! Игорь сперва возмутился и строго посмотрел на маму! За что? «А что я сделал плохого? Муха же – не мясо! Окрошку с мухами я не ем!» И тут вдруг все рассмеялись, не уточняя, за что получил Игорь по губам...

А вот ещё один рассказ бабушки Клавдии Андреевны, как они хорошо живут в зелёной зоне города Перми:

– К нам во двор на большую зелёную площадку какой-то тракторист пригнал большой грязный трактор С-100 и оставил его там, разругавшись со своим работодателем. Позабытый и позаброшенный трактор простоял там много лет и служил как действующий экспонат для всех мальчишек нашего и соседних домов. Игорь, как и все другие мальчишки, излазил по этому трактору, что называется, вдоль и поперёк. Но трактор-то когда-то был рабочим, действующим, и на нём смазки и грязи было полным-полно! И бабушке приходилось каждый вечер стирать Игорю верхнюю одежду. Бабушке, конечно же, такая работа быстро надоела, и она предупредила своего внука, что если он ещё раз придёт домой такой измазанный, то она его закроет дома и гулять на улицу не пустит. И что, вы думаете, сделал внук? Он устроил бабушке испытания! Когда бабушка пошла в туалет, а на входной двери шпингалеты были, как с внутренней стороны, так с наружной, – он закрыл бабушку на шпингалет и не выпуска-

ет её из туалета! Бабушка стучится: «Игорёчек, открой мне дверь, у меня ведь по дому много разной работы!»

– Вот видишь бабушка, как тебе плохо, когда тебя не выпускают?! Ты тоже хочешь, чтобы мне было так же плохо, если ты меня закроешь дома и не пустишь гулять?!

– Но Игорёчек! Мне ведь надо обед готовить и в квартире прибраться! А если я тут в туалете буду сидеть, то кто мою работу будет делать? Придёт дедушка на обед, а у нас с тобой ничего не приготовлено! Мы же все будем голодными!

– Нет, бабушка! Давай-ка посиди немножко в своём туалете, а я буду готовить обед вместо тебя!

Говори, что надо делать, и я всё сам приготовлю!

– Да как же это ты сам можешь приготовить?! Ведь надо знать: где лежат кастрюли, сковородки, продукты! Надо же сперва всё помыть, почистить и только потом приступать к приготовлению обеда!

– А ты мне, бабушка, всё скажи! Вот тогда и я всё буду знать, не только где поварёшки лежат, но и как готовить борщ или суп!

– Но ведь надо ещё знать и уметь, как огонь развести! Как спичками пользоваться! А ведь это очень опасное дело! Можно и пожар устроить! А что тогда может приключиться? Ты представляешь, как всем тогда будет плохо! Я сижу в туалете, а ты на кухне! А тут вдруг огонь, пожар может случиться... Что делать-то будешь? А?

Ровный, успокаивающий и миролюбивый голос бабушки

сделал своё доброе дело! Игорёк, выслушав свою бабушку, согласился выпустить её из туалетной комнаты, но при этом взял с бабушки слово, что она больше не будет его ругать за испачканные красивые штаны и куртку и бабушка научит своего внука, как нужно правильно приготовить вкусный обед.

С тех пор внук и бабушка очень подружились! И этот малыш к пяти годам стал настоящим знатоком кулинарного дела и свои способности, правда при моей непосредственной помощи, продемонстрировал мне и своей маме (Наташе), уже будучи в московской квартире Кунцевского района по возвращении в Москву!

Все эти чудесные качества, полученные внуком Игорем от бабушки Клавдии Андреевны, очень понравились Галине – жене моего брата Николая! И они тоже решили оставить своего малолетнего сына Сашку в Перми на один год – на воспитание бабушке Клаве. Но каково же было их удивление, когда они, приехав через год повидаться с сыном и навестить бабушку Клаву, услышали, что их родной сын Сашенька бабушку называет мамой, а увидев свою родную маму Галину, обратился с вопросом к бабушке: «А эта тётенька, которая стоит рядом с моим папой, она кто? И откуда она приехала? И почему она меня знает, да ещё и называет меня своим сыночком?» Это непризнание своей собственной родной мамы повергло Ганину в шок! Галя растерялась и начала

говорит своему сыну:

– Сыночек! Миленький ты мой Сашенька! Это же я! Я твоя мама, а это твоя бабушка! Бабушка Клава! Посмотри на меня повнимательнее! Ты что? Совсем меня забыл и ничего не помнишь?!

Да! Всего-то прошёл один год разлуки ребёнка с родителями, и вот вам пожалуйста!

Папу ребёнок помнит, а маму – забыл совсем!

Галя всё что угодно могла предположить, но такое – никогда! Как это её ребёнок и вдруг мог забыть свою маму?! Ни о каком дальнейшем воспитании сына у бабушки не могло быть и речи!

Галя быстро собрала все вещи сына, и они на следующий же день уехали к себе домой в Ростов-на-Дону. Вот и отдавай своего ребёнка кому-нибудь на воспитание!

Моя Мама (Клавдия Андреевна) умирала, как говорила она сама, дважды! Однажды днём мама почувствовала себя плохо и решила прилечь на кровать и немного отдохнуть. Правнуки (двое) были рядом с ней в одной комнате и играли между собой в дочки-матери и не заметили, что бабушка прилегла. Но как только бабушке стало очень плохо и она ничего не могла сделать: ни рукой пошевелить, ни сказать что-либо – так её правнук, пятилетний Славка, заметив или почувствовав это недомогание, бросился к бабушке на грудь и ударил её со всей своей силы кулаком прямо в грудь со сло-

вами: «Бабушка! Не умирай!» И бабушкино сердце вновь забилось в ритме жизни!

После такого второго рождения мама прожила ещё полтора года в полном добром здравии и твёрдой памяти и вся в заботах о своих дорогих детях, любимых внуках и правнуках! И никто и никогда не слышал от неё никакой жалости от тяжёлой семейной жизни!

Вероятно, у меня с моей мамой были какие-то очень тесные узы связи, и когда я получил телеграмму о её кончине, у меня случился шок – я потерял дар речи и совершенно онемел и ничего не мог ни говорить, ни даже что-то промычать. В этот шоковый период я мог общался со всеми только с помощью карандаша и бумаги.

Умерла моя мама в возрасте семидесяти шести лет и была похоронена на том же кладбище, что и мой отец.

Мир их праху! И вечная память моим дорогим, любимым Родителям!

Дмитрий Ильич Нечаев

Своего дедушку Дмитрия Ильича Нечаева я никогда не видел, и фотографий его в нашем доме тоже не было. Знаю я о нём только по рассказам моих родителей: папы, мамы и бабушки (папиной мамы). Моя мама очень любила своего свёкра Дмитрия Ильича и говорила о нём с большим восхищением, теплотой, нежностью и уважением.

– Мы, молодушки, называли Дмитрия Ильича – Тятей. Это был главный хозяин поселения Нечаевых. С виду он был коренастый, крепкий, сильный мужчина, среднего роста, ладный, статный, с окладистой каштановой бородкой. Сразу было видно, что это настоящий ХОЗЯИН. Взгляд у него был всеохватывающий, спокойный. Он никогда не сутулился, глаза у него никогда не бегали. В нём чувствовалась степенность, понимание, разумность и твёрдость. И дети его – все пошли в него! Все Нечаевы были крепкими, здоровыми, румяными, с прямыми носами, волосы волнистые, каштанового цвета, глаза голубые, уши торчком не торчали. Нечаевские ребята были статными, ходили прямо, не горбась. Это была какая-то неместная порода!

Сашка, самый младший ребёнок семьи Нечаевых, был прямо-таки как овца каракульчовая. Волосы его вились по всей голове. Не было ни одного прямого волоска, а цвет волос был всем на удивление – льняной, русый. Он один

из всех своих братьев, да и всего окружения родни, выделялся своей кучерявостью и светлым цветом волос.

Да! Все ребята нечаевские были какого-то гвардейского толка! Вот если бы была такая возможность и всех братьев одеть в военную форму, то их сразу же можно было бы назвать офицерами. Они ходили всегда прямо, с высоко поднятой головой и не сутулились. У всех были большие прямые плечи, грудь вперёд, и они не косолапили, как оханские или першинские ребята. По всем приметам было видно, что эти люди пришлые, неместные. Они резко выделялись среди местного курносого, сторбленного деревенского населения.

Откуда они пришли, где они обучались такому разнообразию ремесел, я не знаю, да и твой отец Николай мне ничего такого об этом никогда не рассказывал. А, может быть, это я не была столь любопытна?! Жила как заводная – знай пошустрее поворачивайся да побыстрее успевай!

Дмитрий Ильич был искусным мастером по изготовлению музыкальных инструментов – гармошек и балалаек.

Слух о музыкальном мастере Дмитрие Нечаеве дошёл и до губернатора города Перми. Для того чтобы иметь грамоту (разрешение) на изготовление и продажу музыкальных инструментов, Дмитрий Ильич доставил семь гармоний и семь балалаек в Пермь – на суд музыковедов.

Вердикт музыкального совета был однозначен: гармоники Дмитрия Нечаева по качеству ничем не уступают итальянским гармоникам, а балалайки соответствуют традици-

онным русским балалайкам, и Дмитрий Ильич имеет право на изготовление и продажу гармошек и балалаек.

После такого заключения Пермского музыкального совета сам губернатор города Перми вручил Нечаеву Дмитрию Ильичу свинцовую печать с надписью «Дмитрий Нечаев – музыкальных дел мастер». После таких почестей и получения именной печати Дмитрий Ильич получил право самостоятельно изготавливать и продавать свои музыкальные инструменты и на всех своих инструментах ставить оттиск (на внутренней стороне) своей печати. И такой отпечаток (печать) я сам видел на балалайке, которая была у нас в доме. Этот оттиск можно было легко увидеть, если заглянуть внутрь через звуковое отверстие на балалайке.

Мама, как бы в знак подтверждения своих слов, принесла мне с чердака нашего дома холщовую тряпицу, развернула её и сказала:

– Вот, Боря! Пусть тебе будет на память от деда Дмитрия Ильича – эта печать, открывшая ему широкий простор на музыкальном поприще!

Я взял эту эллипсоидную свинцовую печать в свои руки и почувствовал приятную тяжесть этой реликвии.

На печати отчётливо выступали две строчки: на верхней была надпись крупными заглавными буквами «ДМИТРИЙ НЕЧАЕВ», а на второй строчке – пониже, но уже не заглавными буквами «музыкальных дел мастер».

Эту плоскую эллипсообразную свинцовую печать я бе-

режно завернул в ту же холстину и осторожно положил в железную коробку из-под мятного зубного порошка.

Жаль, что эта печать Дмитрия Ильича не сохранилась до сего времени. Уходя в армию, я её передал на хранение своему младшему брату Виктору, а вернувшись, узнал, что мой брат и крестник Виктор нашел этой реликвии прозаичное применение – он разрубил свинцовую печать деда на мелкие части и использовал их в качестве грузил для рыбной ловли. Воистину говорят: не ведаем, что творим...

У Дмитрия Ильича было много наёмного люда.

Хозяйство было огромное. Бочки делали десятками. Огурцы солили, капусту квасили бочками...

Весь товар Нечаевы вывозили в город Пермь на продажу во время ярмарок. На городском рынке Нечаевы продавали свои изделия: бочки, саночки, валенки, сапоги, масло подсолнечное и льняное.

Продавали тулупы, шубы и полушубки для женщин, хомуты и сбрую для коней. Масло скоромное топлёное. А сметану продавали в туесочках из берёзовой коры, которые сами и изготавливали.

Там же на рынке принимали и заказы для изготовления карет, саней, сапог и валенок под размер. Размером служили толстые прутья из ивы. На каждой ивовой палочке писали химическим карандашом имя и наименование изделия (валенки, сапоги, варежки, перчатки).

Нечаевы поставляли на рынок и кухонную утварь: дере-

вянные ложки, миски, бадьи, шайки. Выставляли на продажу различные клюшки, совки, ухваты, лопаты деревянные. Продавали шубы, полушубки, тулупы и половики, которые сами же плели и шили зимой при большой десятилинейной керосиновой лампе.

Зима, говорила мама, это было её любимое время года!

– Я любила зиму и сейчас люблю... Зимой мы, свои женщины, да и наёмные девчонки тоже – собирались в большой, хорошо натопленной зале. У нас было много льняной кудели. И мы все пряли из этой кудели льняные нити. За работой мы всегда пели песни на разные голоса. Все бабы, да и девчонки тоже, были такими голосистыми, что иной раз так распеёмся, что Тятя прибегал к нам в залу и кричал: «Вы что, девки, раскричались-то?! Вас ведь даже на мельнице слышно! Что кричать-то? Надо не кричать, а петь! Что горло-то зря драть?! Не велика премудрость! Женская-то песнь должна литься... Широко, привольно! Словно лебёдушка на пруду или по озеру плывёт... В женском-то пении самое главное ведь – задушевность и певучесть!»

Вокруг нечаевского хутора был большой смешанный лес, где с сосен собирали живицу и делали из неё скипидар, смолу и колёсную мазь.

В лесу собирали также ягоды, грибы, орехи. Из ягод варили варенье, грибы солили и сушили впрок и кушали аж

до Рождества Христова, орехи использовали как приправу к сладким кулинарным изделиям. Толчёными орехами всегда посыпали праздничные куличи, булочки с вареньем и, конечно же, чудо кулинарии – разборный пирог, который доверяли испечь только Клавушке!

На дальних заброшенных лугах хутора нечаевского росла хорошая, высокая, сочная трава, и её косили рано утром по росе. Заготовливали сено на корм скоту и лошадям и частенько даже вывозили на рынок для скота горожанам, которые в своём приусадебном хозяйстве держали коров, коз, кур и даже поросят.

Климат в предгорьях западного Урала был холодным, и холода наступали в конце августа, и поэтому из хлебных злаковых сеяли в основном рожь. Рожь сеяли под зиму, и она хорошо успевала вызреть к концу лета. А вот пшеницу вырастить было трудновато. И, как правило, урожай пшеницы был почти всегда не очень-то высоким. Но пшеницу тем не менее продолжали выращивать, добиваясь получить морозоустойчивые семена. И не напрасно! Через три-четыре года удавалось получить устойчивые семена и урожайность достигала девять-десять центнеров с гектара пашни. При этом рожь всегда была прибыльным делом и её урожайность никогда не была ниже пятнадцати центнеров с гектара. Вторым зерновым продуктом был овёс. И это понятно! Ведь во всех деревнях, сёлах да и городах – гужевой транспорт всегда был основным транспортным средством с использо-

ванием лошадей. А основным продуктом питания для лошадей был, конечно же, овёс. Далее шли такие продукты, как ячмень, гречка, просо, тыква...

У Нечаевых живности-то было много. Я и до сих пор никак не могу понять: а зачем же им надо было такую обузу на себя взваливать? Да и что они хотели сделать, или показать, или кому-то доказать на этом пустыре, где стоял хутор, всё время расширяя и расширяя своё хозяйство?!

Ведь, по сути-то дела, это был уже и не хутор, а какое-то сельхозпроизводство. И народ к ним валом валил. Кто хотел научиться валенки валять, другой сапоги шить, третий хотел кузнецом стать, кареты, сани делать, а другие (большинство) – учились крестьянскому сельхозпроизводству.

У старших Нечаевых: Дмитрия, Петра и Ивана – внутри сидела какая-то неведомая пружина, которая им спокойно жить не давала. У них была какая-то неуёмная широкая натура. Они как будто бы куда-то спешили и всё время от зари до зари всё колотили и колотили молотками, долотами, топорами и всё время что-то делали, и строили, и строили без остановки и без конца!

Они жили так, как будто бы живут последний день и всё надо успеть сделать ещё до заката солнца. И так каждый день – от зари до заката. И я тоже стала такой же заводной. С утра встаёшь и сразу печь растапливаешь, воду таскаешь, чугуны с водой в печь ставишь. А там и завтрак надо приготовить, пока остальные ещё спят. Квашенку разводишь, те-

сто месишь, жар в печи подгребаешь, хлеба в печь кладёшь, кашу в чугунах эмалированных варишь. И всё бегом да бегом, будто бы кто-то за мной гонится. Вот ведь в кого я превратилась. Того, кто мешкал, не любила! Ты что стоишь? Не знаешь, что надо делать! Вон бери вёдра в руки да таскай воду в баню. Таскай так, чтобы в бане всегда было полно воды! В бане воды – всегда не хватает!

И всё надо, надо и надо... И по нужде даже иногда выскочить некогда... А когда весь остальной-то народ проснётся – шум, гам, дети под ногами путаются... Одного на горшок надо посадить, другому молока налить... Такая кутерьма, круговерть... Народ схлынет на работу, а тут посуду надо перемыть, полы вымыть и опять к обеду надо подготовиться... А там и время ужина незаметно подойдёт со своими заботами... Вечером-то часов в десять плюхнешься в кровать, что называется, без задних ног, а мужик-то ведь рядом... И только сейчас! Спустия уже много-много лет я понимаю, что это была самая прекрасная пора в моей счастливой крестьянской жизни! Кажущаяся усталость постепенно переходила в опыт, а с опытом появлялась и радость, и понимание, и внутреннее ощущение необходимости твоего труда, твоей помощи.

Понимаешь, Боря, со временем, когда ты уже набираешься опыта и понимания всего того, что нужно делать по жизни – приходит какое-то совсем другое мироощущение, миропонимание и даже как-то по-другому начинаешь понимать

и ощущаешь необходимость твоего труда, творения рук твоих для твоих же родных, да и не только родных. Ведь это только так кажется, что один день похож на другой. А в действительности-то это ведь совсем не так! И чем больше у тебя опыта, навыка и в твоей работе, и в общении с разными людьми (особенно в общении с людьми), тем ты явственнее начинаешь видеть, чувствовать и осознать какие-то совершенно новые оттенки и новое понимание и своего труда, и своего тонкого понимания людей в общении с ними. Создаётся такое впечатление, что ты, слушая людей, начинаешь их читать! А работу, свой труд начинаешь чувствовать как своего ребёнка! И это новое ощущение и понимание начинает тебя как-то подпитывать изнутри. И ты, просыпаясь по утрам, чувствуешь новый прилив сил, бодрости, уверенности и ясного понимания всех предстоящих дел!

Вот тогда, когда тебе действительно покажется, что каждый твой день похож на другой – беги с этой работы! Это не твоя работа! Это не твоё место в этой работе, это не твоё место в этом коллективе! Это не твоя среда!

Но прежде чем бежать – подумай! А может быть, тебе не хватает знаний! Что очень часто так случается! Так берись! И ликвидируй свой ЛИКБЕЗ!

И ещё всегда помни! Ты – один в коллективе!

А людей-то в коллективе – всегда больше одного! Один есть один! А если один плюс один, это уже коллектив, хотя и самый малочисленный! Но не путай малочисленный кол-

лектив с группой людей из двух человек! И никогда не поощряй ни ханжество, ни брюзжание! А таких людей, к сожалению, в природе предостаточно, да и в нашей жизни – тоже! По сути-то дела, они никому и не нужны! Разве что для неблагоприятных дел каким-нибудь отморожкам!

Одно могу сказать тебе, Боря! Я ведь за свою жизнь многое повидала и многим перестрадала! И твёрдо говорю тебе: в любой работе есть интерес! Другое дело, когда работа – изнурительна, вредна для здоровья! На таких работах надо держать только арестантов, колонистов. А остальной народ, любящий свою Родину, должен работать с любовью и радостью – на пример своим близким и родным! Вот, к примеру, нечаевские хуторяне! Они ведь не чурались никакой работы. Для них не было грязной или чистой работы! Работу они распределяли по времени, по необходимости выполнения той или иной работы! Одна работа – на полях. Там свой порядок! Другая работа – в домашних условиях (готовка, стирка, уборка, с детишками заниматься). Тут свой уклад! Вывоз продукции на ярмарки и распродажа, как по осени, так и по весне – там совсем другой распорядок! Там ведь тоже не с бухты-барухты приехал со своим товаром, и вам – здравствуйте! Товар-то ведь привозят возами! Надо и коней куда-то пристроить, и товар разложить! Значит, надо с местными властями уметь договариваться. Постоянные поставщики товаров любят иметь постоянное место поближе к входу на базарную площадь...

Бывало, на ярмарках, а особенно в первый день, кричат: «А Нечаевы-то где стоят?!»

Очень высоко ценились тонкие льняные нечаевские блузки, вышитые цветными нитями – мулине.

Большим спросом пользовались и хромовые сапоги, и женские кожаные перчатки. Женские перчатки были двух типов – короткие и длинные. Короткие были красного и синего цвета, а длинные – только молочного цвета. Модницы их скупали в первый же день распродажи.

Огурцы покупали у Нечаевых вёдрами, а однажды какой-то закамский купец купил целую бочку! Говорит, скоро у него свадьба намечается, так надобно поболее закупить. Говорят, что у Нечаевых огурцы были всегда в большом спросе! У Нечаевых и огурцы, и квашеная капуста – всегда были, что называется, нарасхват!

На третий день у Нечаевых уже все телеги были пустыми. Да! Год работы – в два-три дня всё уходит, расходится по рукам! Приходит время подвести итоги и продумать, как жизнь обустроить в следующем году! И так – из года в год!

С ярмарки всегда привозили детям игрушки и гостинцы. Для детей это всегда был праздник! Да и для взрослых тоже праздник! Детям особенно нравились красные леденцы на палочке (петушки) и печатные пряники с глазурью. Для взрослых ярмарка – это оценка своей работы, итог всего годового труда! Оценка годового труда в барышах! Оценить свои возможности на перспективу! Как дальше развивать-

ся или повременить! А, возможно, и развернуться пошире! Оценить, какой товар больше пользуется спросом. При хороших-то барышах и настроение поднимается, и укрепляется уверенность в своём деле! Накапливается смекалка, появляется опыт! Мужики между собой обмениваются опытом!

На заготовку продуктов Тятя (Дмитрий Ильич) всегда приглашал мужиков и баб из близлежащих деревень. И, как правило, приходили одни и те же люди, и Дмитрий Ильич всегда настойчиво, учтиво и с большим уважением говаривал наёмным рабочим:

– Мужики, вы собирайте вокруг себя таких же работающих, как и вы сами. Работы всегда всем найдётся. Пока я жив, и вы, и ваши дети, и ваши жёны никогда голодными не останутся. Здесь вы всегда найдёте и обувку, и одежду. Да, может быть, и какая-нибудь молодушка кому-то приглянется! А в будущем, может быть, и такое случится, что и ВЫ сами такое же дело обустроите! И ко мне за советом, а может быть, и за помощью обратитесь! А я ВАМ, мужики мои трудолюбивые, и сам подмогу да и подскажу, как следует обустроить нужное ремесло! Чем больше будет в нашем краю таких тружеников, тем богаче будет наш край, да и уважения пребудет множество! Вы только посмотрите, какие дороги у нас в деревнях, что весной, что осенью – сплошная грязь! А ведь у нас вдоль реки Камы сколько камней-валунов лежит – не пересчитать! А ведь из них можно и мостовую сделать в каждой деревне! После уборки урожая, по осени,

можно ведь подводы собрать и организовать сбор валунов!

Жили Нечаевы очень дружно. Работали слаженно. Каждый хорошо знал своё, порученное ему дело. Конечно, были и перебранки, но до серьёзных разборок дело никогда не доходило. Сложные вопросы решали на совете. Руководил семейным советом Дмитрий Ильич. У Дмитрия Ильича был отдельный шкафчик-конторка, в котором он хранил две домовые книги. В одной книге он вёл учёт – кто, где и сколько времени проработал. А в другой – когда, где, что и сколько продал и по какой цене.

Расчёт с наёмными работниками Дмитрий Ильич производил натурой по предварительной договорённости: зерном, овощами, мясом, яйцами и другими продуктами питания. Иногда Дмитрий Ильич рассчитывался валенками и полушубками.

По предварительному уговору рассчитывался только с теми крестьянами, которые работали с ним более года. Шубами, полушубками, сапогами и сапожками рассчитывался только с теми, кто приходил на работу с сыном или с дочерью.

Каждый день за ужином вели разговор, что уже сделали и что надо ещё сделать назавтра, а кому-то и взбучка была за плохую работу. А работали-то ведь от зари до зари. Вставали рано, хлеба пекли много! Новую квашенку заводили через каждые три дня. В еде никогда недостатка не было. Мно-

го было овощей и мяса, яиц, варенья, соленья и других разных вкусностей от пирогов, шанежек до ватрушек и крендельков.

Ни в одной деревне такого разнообразного хозяйства не было. Я и до сих пор удивляюсь. Да и сейчас ещё нигде не видала и не слыхала, чтобы где-то у кого-то такое разнообразное хозяйство было бы, как у Нечаевых.

Вот у нас на Дзержинском заводе сейчас открыли ремесленное училище. Там парни на слесарей, токарей учатся... А девчонок-то где учить домашнему хозяйству? Кто их научит ткать, прясть, вышивать, шить, фасон подобрать, как квасить капусту, солить огурцы, как щи, борщ сварить...

Ты вот послушай-ка меня: на нечаевском-то хуторе всегда было оживлённо, как в улье, и всем находилась работа. Молодых – в ученики, мастеровых – по ремеслу. Кто плотничает, кто столярничает. А с овощами-то тоже ведь надо доглядывать, а не то совсем пропадут – напрасный труд получится. Овощи-то ведь тоже вовремя перебирать надо.

У Нечаевых-то любому пришельцу работа находилась. Южные ворота целый день были открыты настежь – и народ на площади постоянно толпился! То одно просят, спрашивают, то другое... И всех они привечают и улыбаются... Два ведерных самовара всегда стояли, как говорится, под парами с крендельками и наколотым сахаром. Всякого приезжего прежде всего приглашали на чашку чая. За столом с крендельком расспрашивали, какая нужда привела гостя на неча-

евский двор. Дмитрий Ильич все данные гостя записывал в гостевую книгу и спрашивал и как зовут, и откуда, и какую специальность имеет или хочет получить. Если была какая-то необходимость в ночёвке – определял гостю время и стоимость пребывания.

К Нечаевым и за скипидаром шли, и за клеем, и за колесной мазью, и за сапогами, и за валенками (они ведь и валенки сами валяли), а кто-то приезжал отремонтировать телегу или повозку или коня подковать. Кто-то приходил подработать. А кто-то приходил и учиться. А бывало и так, что кто-то даже находил для себя и вторую половинку. Там и женихались и свадьбы играли. Особенно много было пришлого народу во время страды и во время посадки овощей.

Ой, Боря, откуда появились эти Нечаевы, я не понимаю и не знаю, но думаю, что все Нечаевы произошли от казаков – это точно! У меня на этот счёт никакого сомнения нет! Они ведь все были какие-то рукастые и всё умеющие делать люди. Они и избы, и мосты строили, и мельницу поставили на речушке. И железо ковали, и дуги гнули, и коней подковывали, и масло сбивали, и сыр варили, и лён выращивали, ткали льняные ткани, а из тканей рубашки-вышиванки и женские кофточки делали, зерно своё и деревенским мололи, сапоги шили, сбрую, сёдла для коней шили, сани, кареты, сундуки, шкафы выделывали! Любо-дорого посмотреть! И чего-чего только они ни делали, эти Нечаевы!.. Все нечаевские ребята были лихими наездниками, и почти у каждого

была своя гармошка. На любом празднике, на любой пирушке, где бы только ни появлялись братья Нечаевы, всегда было весело. Играла гармонь, а то и две-три, звенели и лились песни. А ты бы только знал, как они умели плясать! Они выделывали такие коленца, что никто не мог усидеть на своём месте! Все пускались в пляс. Кто не умел – учился, а кто был уже бывалым – придумывал какие-то новые выкрутасы с покачиванием ног вправо-влево на внешних сторонах ступни!

Заводные, игровые, весёлые – Нечаевы всех девок как магнитом к себе притягивали. И девчата отвечали им тоже своим весельем да прибаутками.

А деревенские парни им завидовали и не любили их за удаль молодецкую, ловкость, красоту и часто устраивали им разные пакости и потасовки.

Но драки-то как таковой и не получалось. Они быстро заканчивались. Кто-то быстренько успевал сообщить остальным Нечаевым, что кого-то бьют, так они, как ветер, на своих конях врываются в деревню, и любая потасовка тут же прекращалась. Зачинщики быстро убегали, а кто не успевал – тому здорово доставалось нагайкой, чтоб другим было неповадно ссориться с братьями Нечаевыми. С одной стороны, их боялись, а с другой – уважали за сплочённость, за крепкие кулаки и украдкой их называли – «банда нечаевская».

Они не раз постреливали в воздух из своих ружей, чтобы остепенить наиболее горячие головы! Но в разборках непосредственно ни ружей, ни ножей в ход не пускали. Они знали

о своём превосходстве и деревенских шалунов приструнивали: «Вы тут смотрите! Ведите себя благородно! Меньших – не обижать! К девочкам – только с уважением и любовью! Иначе смотрите! Всем уши надерём! На всех хулиганчиков кнут или нагайка найдётся!»

И моя мама частенько в своём разговоре о Нечаевых приговаривала:

– Нечаевские-то все были красавцами удалыми, весёлыми. Мне ведь кудри Николая очень даже понравились при первом же знакомстве, когда сваты приезжали к нам. Можно сказать, что из-за них-то я и сразу полюбила своего Николая, будущего мужа. А поначалу мне нравился наш же деревенский весёлый парень Васятка. Васятка всегда крутился возле меня и всё время улыбался. Но мой отец, как только услышал, что мне нравится наш деревенский Васятка, так он так стукнул кулаком по столу и так строго сказал:

– Я в своём доме никогда не потерплю тут никаких босоногих, беспортошных! И чтоб я больше никакого разговора не слышал о каком-то Васятке! За Николая хуторского замуж пойдёшь, и молчи тут у меня! Я сказал, что за Николая замуж пойдёшь, и точка! И разговор окончен!

Я убежала в горницу и залилась горячими слезами. За какого ещё Николая? Мне Васятка нравится. Он весёлый и всегда улыбается, когда меня завидит. Он добрый и не задиристый!

Но получилось так, как сказал отец! А когда пришла ре-

волюция, то всех Нечаевых разорили дотла. Многие из завидовавших – радовались...

А чему радоваться-то было? Конечно, кому-то достались саночки, кому-то сбруя, сапоги да валенки... А продукты-то одним разом все съели, и всё ведь на этом закончилось! Из амбаров-то всё повыгребли. Все амбары-то остались пустыми, без единого зёрнышка. А кто теперь наполнять-то их будет?.. Ведь всё надо заново кому-то строить, организовывать, пахать, садить, высаживать, выращивать, ухаживать, убирать, хранить... А ведь всё сожгли дотла... Это как же так можно жить-то?.. Разве это по-людски? И откуда столько злобы в людях-то появляется? Зачем же всё разрушать-то?

– Ой! Боря, грустно как-то сразу стало от этих воспоминаний, – сказала мама. – Вся эта никчёмная разруха столько бед принесла, что не дай бог, чтобы это ещё раз где-то когда-то повторилось. Давай-ка лучше я расскажу тебе, как мы веселились.

С нечаевскими-то парнями не соскучишься ни на работе, ни на празднике. Они ведь как огонь!.. Крепкие, здоровые, всегда бодрые – кровь с молоком... В их всё могущих руках всё как-то быстро ладилось, что сразу-то и не поймёшь, откуда они такие рукастые ребята?! В них столько энергии кипит, бурлит и внутри, и снаружи, что кажется, вот-вот и достанут они до чего-то такого, что только в сказках случается или во сне только может присниться! Они ведут себя и живут, как волшебники какие-то... Да и в обыденной-то жизни они

ведут себя как-то не по-деревенски... Бывало, кто-то ненароком с коня свалится или уснув на возу сена или соломы – не удержавшись. Так они к нему сразу не бегут на помощь, а начинают подтрунивать: «Ну что? Не выспался! Молодушка-то тебе, небось, спать-то не дала?!» А незадачливый ездок вскакивал на ноги и не менее язвительно отвечал: «Сам-то ты, небось, уже и забыл, что такое сладость? Всё шутишь и шутишь!»

После такого разговора раздавался весёлый смех и в ход шли разные прибаутки, басенки и побасенки про молодых и стариков. Шутки про стариков – всегда были любимым занятием у молодых. Начиналось всё с какого-нибудь, язвительного на язык парня:

– Ну, конечно! Старый конь борозды никогда не испортит!

– Да и куда ему, старику-то, до молодых-то, – подхватывал другой!

– Но и глубоко-то не вспашет, – смеясь подхватывали молодухи!

И тут поднимался общий хохот и молодых парней, и молодухек! И каждый подразумевал то, что ему или ей было по душе! Общий смех становился беспричинным, и всякие обидки, если они у кого-то и были, быстро забывались. Это был беспроегранный вариант снова всем сплотиться. И в это время какая-нибудь голосистая девица запевала задорно или жалостливо:

– Ох! Молода я молода, да плохо я одета!

Никто замуж не берёт девушку за это!..

Да! Жизнь прожить – не поле перейти! Так уж по жизни повелось – отцы и дети! Вечный спор – вечный противоречивый, с одной стороны, наставнический, а с другой – уважительный разговор! В семействе Нечаевых никогда не возникал вопрос, где жить, где работать, чем питаться... В их хуторском хозяйстве всего было предостаточно! Дом построить – не вопрос! Научиться какому-нибудь ремеслу – выбери, что любо, что тебе по душе! Хочешь поехать за границу какому-нибудь ремеслу научиться – пожалуйста, поезжай, любая страна на выбор (Германия, Италия, Австрия)...

Но пришла всемогущая революция и поставила вопрос совсем иначе: «Богатеи – кровопийцы на теле трудового народа! Всех кровопийц – к ответу и в расход!» А кто эксперт-то по кровопийцам? Бедняк...

Как сложилась жизнь у моего дедушки Дмитрия после революции, я не знаю. На мои расспросы, что случилось с Дмитрием Ильичом и его братьями Иваном и Петром, никто мне так и не ответил! Ни мои мама с папой! Ни мои тётушки и дядюшки. Никто не хотел ворошить прошлое! Что было, то было и укатило далеко! Что случилось, то и случилось! Обратного хода – нет!

Отец мне часто говорил: «Ну что ты всё хочешь знать?! Зачем тебе это надо! Ну, что случилось, то и случилось. Жизнь-то – она всё время разная. Сегодня солнце, а зав-

тра – дождь! Ну, ты ж не можешь дождь остановить?! Нет! Да и зачем дождь останавливать. Сейчас, например, тебе дождь не нужен! Нет у тебя ни зонтика, ни плаща. Но ты же сам виноват, что нет у тебя ни зонта, ни плаща! А на самом-то деле дождь – это ведь благодать всей природе! Вот и мотай себе на ус, кому дождь мешает. А выходит, что только тебе одному! Или таким же бестолочам, как ты! А всем, всем, всем – наоборот, благодать! Значит, бестолочам надо дать хорошо по заднице, чтоб не балаболили зазря своим языком-помелом, коль головка ничего не варит!

Ты сам-то много видел умных-то людей – вот так оно и есть. Одна собака залаяла – все остальные тоже забрехали – стадный инстинкт! Умная собака зазря брехать не будет! Ты, сынок, мал ещё, но ничего! Ты же наш, нечаевский! Больше слушай да мозгами кумекай! Ты вот всё хочешь знать, это хорошо! Но бывают и такие ситуации, когда лучше не знать, чем знать! Тебе, сынок, надо учиться, учиться и учиться! Вот тебе мой наказ! И исполняй его, несмотря ни на какие трудности!»

С разорением поселения Нечаевых все родственники как-то разом исчезли. словно стая птиц, разлетелись кто куда... Я думаю, что старшие-то погибли вместе со всем своим добром. А молодёжь-то со своими домочадцами да ребяташками – разбежались, улетели кто куда, но только подальше от этого сумасшедшего разорения и пожараща... Что пропало – то пропало! И возвращаться к этой ситуации боль-

ше не надо никогда – говорил твой отец! Жизнь продолжается, и теперь надо думать о будущем! Как жизнь обустроить дальше? Вон, наемни молния ударила в дом Болотного! Дом сгорел! А деревню-то отстояли всем сходом! В жизни всё бывает!

Потом, много позже, я узнал, что мой дядя Ваня (старший дядя) уехал в Кудымкар и там промышлял какой-то торговлей овощами и мёдом, разъезжая по Пермской губернии. Однажды и я с ним ездил в Кудымкар по каким-то коммерческим делам дяди Вани. Однако, надо отметить, что у дяди Вани в городе Кудымкаре были неплохие успехи по части купли-продажи разных товаров. Дяде Ване удалось даже сколотить небольшой капитал, и он, подрядив мужиков-строителей, построил для себя большой деревянный дом из толстенных брёвен. Дом дяди Вани, который стоял на высоком берегу реки Камы, выделялся своим могуществом среди других рядом стоящих приземистых домов и хорошо смотрелся с мимо протекающей реки Камы, особенно с палубы большого парохода!

Дом был свежесрубленный и казался каким-то необходимым. Были и окна, и двери, но кроме стола из-под топора и скамейки ничего не было. Правда, была русская печь с лежанкой, но складывалось такое впечатление, что её ещё никто не топил.

Дядя Ваня сказал, что это его дом и чтобы я всегда помнил об этом доме! Солнце уже клонилось к вечеру, и мы пошли

в харчевню – не то обедать, не то ужинать. А, скорее всего, и отобедать, и поужинать. Ели и щи из квашенной капусты, и пироги с кулебякой (мясом, ячменём и зелёным луком), и запивали хорошим ядрёным квасом на солоде. Потом дядя Ваня познакомил меня с городом, который был значительно хуже Перми. Там не было ни одного каменного дома, и дощатых тротуаров, как в Перми, – тоже не было. Дороги были какие-то кривые и с большими ямами. Я представил себе, как тут неприятно по осени и весной. Должно быть, сплошная грязь – не пройти, не проехать. Всё это мне не понравилось, и я подумал: «Зачем это дядя Ваня в таком месте дом себе построил?» В доме дяди Вани не было ни кровати, ни какого-нибудь настила, и мы спали просто на полу, подстелив армяк и укрывшись не то попоной, или каким-то странным большим одеялом, но точно – большим куском толстой шерстяной материи. Утром выпили по кружке чая с сахаром и краюшкой чёрного хлеба. Ни пряничка тебе, ни кусочек колбаски, и опять куда-то в путь, по каким-то неведомым мне делам.

Дядя Ваня ещё весь день потратил по каким-то обязательным своим делам, и мы уже поздно вечером, заглянув в харчевню, выпили по кружке чая, быстренько собрались, хотя и собирать-то было нечего, сели на пароход-буксир и уехали в город Пермь. Я так и не понял, зачем дядя Ваня повёз меня в этот город Кудымкар и зачем он показывал мне свой необжитый дом, да ещё и в таком захолустном городе, где толь-

ко одни деревянные постройки. Я даже как-то и не заметил, а был ли там, в этом доме или вокруг него, какой-нибудь туалет... В харчевне-то был и туалет, и рукомойник, а в дядином доме был только один рукомойник с полотенцем и с ведром, да ещё большой чайник с зелёной эмалированной кружкой, обгрызенной по краям.

Варвара Ивановна Нечаева

Мама моя о своей свекрови Варваре Ивановне Нечаевой (в девичестве Каменских) говорила с теплотой и с каким-то высоким чувством нежности, благодарности и с глубоким уважением. Варвара Ивановна была под стать своему мужу Дмитрию Ильичу Нечаеву! Это была настоящая хозяйка по дому, домоводству, по приготовлению еды на такую огромную трудовую ораву не только на каждый день, но и по званым святым праздникам, когда пекли куличи, рыбные пироги, расстегаи и пирожки с мясом, пирожки с капустой и яйцом, с яблочным или вишнёвым джемом (вареньем).

Варвара Ивановна родила Дмитрию Ильичу семерых детей. Один из них умер в младенчестве по неизвестной мне причине. Да и сама бабушка Варя не знала, отчего умер её поскрёбыш. На такие вопросы бабушка отвечала мне как-то пространно: «Бог дал, Бог и взял, и нечего тут задавать разные вопросы! Это Божий промысел!» А на мой вопрос: «Бабушка! А, кого ты больше всего любила из своих детей?» – баба Варя мне отвечала:

– Да как же можно задавать такие вопросы? Ведь они все мои дети! И они все разные. Один крикун! Другой молчун, а третья рёвушка-ревуша, а четвёртая – певуха! Вечно песенки поёт и смеётся во весь рот! Как в народе говорят, дети

спать нам не велят! Знай крутись и поспевай, если любишь ты свой край! Ту избу, что с пирогами, ребятишечек с глазами! Ой! За ними глаз да глаз, а не то и выткнут глаз! Няньки, бабки – любят их! Они ведь наше прошлое да и настоящее – счастье и любовь! Они и наше пришлое – надежда и покой. Коль семья большая – радость во весь дом! Детки подрастают, силы набирают – разрастайся дом! Кузнецы и плотники, кухарки и молочницы – красавцы-молодцы! Ждите, в дом повадятся скоро и сваты!

Первенцем у Варвары и Дмитрия был Иван, потом родилась Екатерина, за ней Таисия, затем Геннадий, после него твой отец Николай, потом Александр. И у всех парней, представляешь, Боря, были свои кони. Кони, Боря, а не лошади! На конях не пашут! На конях ездят верхом или в упряжке. А для повседневной работы у Нечаевых были рабочие лошади и один битюг – для перевозки тяжёлых грузов.

Во время страды и уборки урожая все свои и наёмные работники кормились в столовой на общих правах. После каждого рабочего дня те, кто уходил ночевать домой (из наёмных), получали домашний паёк для своих домашних. У Варвары Ивановны были свои записи, у кого сколько детей, кто из семьи где работает, а кто ещё только начал учиться какому-нибудь ремеслу. И в каком состоянии было подворье у наёмных людей. Много ль было земли в угодьях и какую живность держали.

К каждому празднику Варвара Ивановна готовила детям

подарки, в том числе и детям наёмных работников. В хорошую погоду бабушка приглашала детей к себе во двор и там же устраивала им веселье.

Дети качались на качелях, которые были поставлены около амбаров. Играли в жмурки, в бабки и в лапту. Устраивали соревнования, кто быстрее прибежит, кто стихотворение расскажет ярче, а кто может песню сочинить или басенку расскажет! А зимой устраивали катание на саночках с горки. Одна горка была слева от южных ворот – снежная, а другая – справа – ледяная. На ледяной катались в основном на ногах, развивая вестибулярный аппарат (мозжечок). По праздникам устраивали катание на тройке лошадей. Народу набивалось до трёх троек и все – с бубенцами.

Эти лихие заезды в две-три деревни вызывали всеобщее веселье. Там же устраивали и снежные крепости. Кидали друг в друга снежками, а потом всегда устраивали грандиозное застолье (чаепитие) с огромным самоваром – прямо на свежем воздухе. На большой площадке ставили большой крепкий стол. На стол ставили большой самовар, увешанный бубликами и крендельками. Вокруг самовара ставили чайные блюда с чашками и сахарницу с наколотыми кусочками сахара. Сахар был всегда только кусковой. По тем временам сахар был в большом дефиците. И приготовление (раскол) головки сахара на мелкие кусочки – это был целый ритуал! Кололи сахар на специальной толстой дубовой доске. Для этого имелся специальный инструмент: накольница, молото-

чек и щипчики. Сперва головку сахара раскалывали на две большие части путём лёгкого постукивания накольницы молоточком, чтобы образовалась бороздка на головке сахара, а потом сильным ударом раскалывали головку сахара на две большие части. Если половинки были меньше, чем полкулака, то дальнейший раздел головки уже исполняли с помощью щипчиков. Кусочки сахара (после щипчиков) складывали в специальную стеклянную красивую сахарницу, которую ставили рядом с самоваром.

Молодые девчонки (свои да и пришлые) пели песни от души – звонко и задорно. Иногда дело даже доходило и до хрипоты. Когда такое случалось, в пение вмешивался Дмитрий Ильич и всем девочкам говорил, что так нельзя кричать! Криком песню не украсишь! Сорвёшь голос – инвалидом будешь! Высокие-то нотки надо не криком брать, а голосовые связки развивать! А сейчас всем, кто захрипел, горло шерстяным шарфом обмотать и три дня вообще не разговаривать! Кто вас безголосых любить-то будет! Слова «музыкальных дел мастера»: «Безголосых – не любят», – резко отрезвляли «крикунов», и они начали приходиться к Дмитрию Ильичу за «постановкой голоса». На следующий день все с хрипылыми голосами ходили с перевязанными шеями шерстяными шарфами. А всё равно было весело, и на следующий день вновь и вновь вспоминали, как гуляли... Кто какие частушки выкрикивал или побасенки сочинял про тётчин язык или кулак тестя, я не знаю! Но этих сочинителей как-то и не очень

ругали! Больше смеялись и поддакивали! Вот-вот! Так оно и есть!

В эти праздничные дни все молодухи и молодые бабы одевались напогляд – одна другой краше! Молодые парни подхватывали молодых девушек, а те визжали и смеялись, падая вместе с молодым человеком в пушистый сугроб. Под вечер разводили большой костёр и водили хоровод. И снова звенели и песни, и смех, и разносолные, но не обидные шутки. Расходились за полночь, и ещё долго слышались тихие разговоры и слабый весёлый смех девчонок и парней.

У Варвары Ивановны в подмастерьях были в основном девушки, которые хотели научиться, как правильно трепать лён, прясть нити, ткать льняные полотна, шить, вышивать, вести домашнее хозяйство, ухаживать за скотом, птицей и получить навыки, как рассчитать и как приготовить еду, квас на определённое количество едоков.

А замужние женщины приходили к Варваре Ивановне за советом, как вести себя во время беременности, как подготовиться к родам и как кормить новорождённого, а что делать, если вдруг у молодой матери нет молока для своего ребёнка. Расспрашивали и о различных приметах и как и что надо делать в экстренных случаях, когда вокруг никого нет и некому помочь. У молодых-то ведь всегда очень много вопросов, да и не у каждого спросишь, а вот к Варваре Ивановне все приходили запросто как к своей подруге или очень-очень доброй и заботливой маме, которая всегда выслушает

участливо и даст добрый совет по любому случаю.

Боря, ты думаешь, что трепать лён – это простое дело?! Да нет, мой дорогой! Если плохо или неправильно будешь трепать, то стебли-то льна можешь так изломать, что только шелуха и останется. А если начнёшь на излом стебли-то ломать, так все нити будут короткими, и из такой кудели и нитки-то будут непрочными. А из длинных-то льняных ниток ох какие хорошие тонкие ткани получаются! Любо-дорого! Да и глядеть на такую ткань, и шить, и вышивать – одно удовольствие! И тогда и дело спорится, и изделие твоё смеётся и красуется!

И так ведь, Боря, во всём любом деле. Молоко переболтаешь, пока несёшь, и сметаны хорошей не получишь. Начнёшь сметану сбивать, чтоб масло получить – не выходи на солнышко, а иначе – не получишь настоящего хорошего масла. А на солнышке-то как приятно работать – любо-дорого! Поворачиваешься к ласковому-то солнышку то одним бочком, то другим, а масло-то при этом всё нагревается и нагревается, и никак остатки-то сметаны не переходят в масло.

И всем этим премудростям нас, девчонок, да и молодыхек тоже, обучала Варвара Ивановна! Глаз у неё был острый! Глянет на нас! Да как прикрикнет! Аж подпрыгнешь иногда: «Вы что это, девки, на холодном-то месте сидите! Ну-ка! Живо взяли коврики и себе под попу подложили! Смотрите у меня! Вы ведь все будущие матери! Вам ведь всем и рожать, и детишек своих кормить надо будет! И никаких

болячек у вас не должно быть! Да и мужей своих будущих тоже пожалейте! Да и самих себя, любимых, тоже поберегите! Смотрите у меня! Разум-то свой не теряйте! Муж-то любит жену здоровой!»

Варвару Ивановны все любили и уважали за её строгость, заботу и за материнскую мудрость! Она знала и как хворых вылечить, и как ребёнку помочь в случае крайней необходимости. Это был настоящий деревенский женский пансионат на все случаи жизни! Если готовили щи, то из квашеной капусты из расчёта на два дня. Каши всегда готовили на один день. Хлеба пекли и квас варили – на три дня. Варвара Ивановна всех девчат учила, когда и сколько нужно воды для полива огурцов и капусты приготовить. Когда и сколько раз надо окучивать картошку. Какие и как выращивать семена для посадки на следующий год. Как хранить лук, чеснок, картошку, морковь, свёклу. Как готовить соленья, варенья. После Варвариной школы девушки ценились высоко, и в праздничные дни парни из соседних деревень приезжали на погляд. Праздник погляда всегда был осенью после уборки урожая. На погляде не только парень выбирал себе девушку, а чаще всего случалось всё наоборот – это девушка выбирала себе подходящего, как ей казалось, парня – будущего мужа, опору своей семьи и отца для своих детей.

Моя свекровь Варвара Ивановна, как хозяйка, и как мать, и как наставница – держала нас всех, как говорится, в ежовых рукавицах. Она гоняла нас почём зря. Иногда и веником

по заднице огреет. Спуску ни в чём не давала, и любимчиков у неё никогда не было. Была она строгая, но зазря никого не наказывала и не бранила. Особенно она нас за чистоту полов гоняла. Мытьё полов только тряпкой она не признавала. Нужно было мыть полы в избе и в бане вехотью со щёлком. Вехоть – это такая измочаленная метла, которая была изготовлена из тонких берёзовых прутьев, но уже так износилась, что годилась только на выброс... Вот такой вехотью и драили мы полы до жёлтого цвета. А щёлок для мытья полов наводили из золы русской печи или бани.

Варвара Ивановна нам часто говорила: «Смотрите, девки! Вам дальше жить! И если хотите жить без тараканов и клопов и в добром здравии – хорошенько мойте полы! И не дожидайтесь утра или вечера! Как только схлынет народ – тут же принимайтесь за мытьё полов! И ещё скажу: каждую субботу – в баню! Крестьянская-то работа – и в поту, и в пыли, и в грязи! После бани – стирка! И бельё чтоб не квасили! А то и до червей ведь можно дойти! Чистота, гигиена, питание и здоровье семьи – это женское дело! При хорошей-то хозяйке и мужик будет крепок и здоров, да и дети тоже будут крепкими, здоровыми и хорошими помощниками в любом деле!» Большую стирку проводили, как правило, в бане вечером или на следующий день, если было много народу. По мелочи стирали или на улице во дворе, или в избе, если было холодно. Полоскали бельё всегда в речке. И даже зимой! Для этого прорубали купель и полоскали в этой хо-

лодной воде. Ох, как рукам-то холодно было! В доме ходили босиком по половикам, которые сами и ткали. Половики выхлопывали (выбивали, как ковры) каждый день по два-три раза, в зависимости от погоды. Меняли (стирали) половики каждую неделю. Их стирали на речке и высушивали на изгороди.

Мне, Боря, очень нравились зимние вечера. Зимой мы работали в основном дома. Пряли нити, ткали ткани и почти всегда пели. В это время я очень много новых песен услышала, запомнила. Петь на два голоса научилась. Льняные нити, одобренные Варварой Ивановной, собирали в корзины, относили их к ткацким станкам. Варвара Ивановна рассаживала нас за станки, и начиналась ткацкая работа-учёба. И это тоже – не такая уж простая работа. Тут ведь и челнок надо правильно пропускать, и правильно натягивать нити, а затем уплотнять нити так, чтобы получалась ткань, а не какое-нибудь решето или рогожа.

Во время праздника Варвара Ивановна всегда умела вовремя похвалить, поддержать ту или иную невестку. Помню, как на Пасху много гостей собралось. Я выхожу с кухни в горницу в вышитой белой блузке с огромным разборным сладким пирогом, а Варвара Ивановна и говорит: «Гости дорогие! Полюбуйтесь-ка на мою Клавушку! Она эту блузочку-то сама и сшила, и сама вышила, а какой она испекла пирог! Попробуйте, гости дорогие! Да только смотрите, языки

не проглотите!»

Во время Гражданской войны всех Нечаевых полностью разорили. Коней забрали, коров и прочую живность раздали бедным по деревням, все продукты реквизировали. Ружья и клинки забрали! Вот тогда-то я и поняла (решила), что все нечаевские – из казаков. Налетели на наш нечаевский хутор не то белые, не то красные – не знаю. Дело было ночью. Кто-то из наёмных мужиков открыл непрошеным гостям северные ворота, которые открывались только по весне или по крайней необходимости. Поднялся шум, крики, стрельба... В первую очередь постреляли всех собак. Тех, кто не успел скрыться, повязали и поместили в сарай. Рано утром, около пяти часов, всё перевернулось наоборот... Братья Нечаевы и их друзья повязали всех тех, кто напал на них ночью. Всех, кто был заперт в сарае, освободили, и они в спешном порядке покинули хутор. Что случилось с братьями Дмитрия Ильича – Иваном Ильичом и Петром Ильичом – я не знаю, но вся семья, кроме Дмитрия Ильича, осталась жива.

После такой революционной заварушки все разбежались, исчезли так, что никто толком-то и не знал ничего друг о друге. Были они у красных или у белых или ещё где-то – ничего сказать не могу. Вот по этой-то причине и не хотел тебе отец рассказывать про свою жизнь. Ведь их всех разыскивали по всей волости в течение нескольких лет. Сама-то революция до нас как-то и не докатилась. Она была где-то там –

в стороне.

А вот Гражданская-то война, которая покатила вслеп за революцией, прошла прямо по людям.

Всех зажиточных-то решили под корень ликвидировать, а усадьбы – сжечь. Кровопийцы, мол, они на теле трудового народа. А кто трудовой-то народ? Разве те, кто ленился работать, или те, кто к обеду только выходил на работу?

Сравни! Нечаевых-то с другими! Они ведь всех, кто хотел работать, к себе привечали. И работу давали, и продуктами питания обеспечивали, и на рынок сколько товару поставляли... Разве они не труженики... А сколько они радостей-то доставляли и детям, и взрослым. В праздники-то все в гости к Нечаевым! Там и с горки можно покататься! Можно и научиться верховой езде. Можно и одежду справить, и коня привести в порядок, и обувь... А их ведь в один момент разорили. Бедным коров раздали... Лошадей забрали, зерно, фураж реквизируют... А кто восполнять-то будет всё это... А?

А сколько народу-то через Нечаевых-то прошло... Научились ведь и валенки валять, и огурцы плантациями выращивать, и лён выращивать, и ткани ткать, отбеливать, шить, вышивать... А, иначе в крестьянстве-то не проживёшь! Кто не хочет учиться, тот бродяжничать идёт – нанимается и в батраки, а то и даже в няньки! А куда деваться-то? Кушать-то ведь всем хочется! Да ещё и побольше да повкуснее...

Ох! Боря! Кто прошёл нечаевскую школу – нигде не пропадёт! Многие! Очень многие научились, как хозяйство-то вести надо... А сколько девок-то научились и шить, и вышивать, и коврики плести. А какая ведь большая работа была проделана при выращивании льна. Там ведь учились и как масло получить, и как ткани ткать, и как отбеливать эти ткани, и как шить, и как вышивать кофточки цветными нитями...

Да! Это была настоящая трудовая колония. Но ведь в эту трудовую колонию приходили добровольно. А уходя – благодарили за полученные навыки, за хлеб, за соль, да и не только...

Каждый проходящий получал не только уроки по тому или другому ремеслу, но и питался, да ещё и домой приносил, и своих домочадцев кормил.

Вот я сижу и думаю: такие кряжистые корни повырубали, одни кустики только остались. А когда из этих кустиков-то мощные деревья снова вырастут? Ох, Боря, не скоро, не скоро... Вот и отец твой говорит тебе: «Учись, сынок! Работай! Не ленись! И только через труд и только через учёбу – придёт и твоё время». Ты главное – не сомневайся ни в чём! Будешь хорошо трудиться – будут и хорошие плоды. Ты больше вокруг смотри да на ус мотай, как другие трудятся. Не стесняйся учиться, не стыдись, если кто-то лучше тебя. Это хорошо! Значит, есть чему учиться! Главное – мозги свои развивай! Учись и сравнивай! Учись и анализируй! И помни!

Знаний никогда не бывает много! Их всегда не хватает, их всегда маловато!

Старший сын Дмитрия Ильича – Иван Дмитриевич объявился только в 1939 году. Мы тогда снимали большую комнату в деревне Балатово (теперь восточная часть города Перми) – в большом, прекрасном, красивом одноэтажном кирпичном доме из красного кирпича сбежавшего куда-то помещика во время революции. Это был единственный в деревне Балатово крепкий тёплый кирпичный дом с шестью окнами и с огромным садом-огородом. При доме были большие дворовые постройки с коровником, сеновалом, амбарами.

Иван Дмитриевич с твоим отцом тогда всю ночь проговорили. О чём они говорили – я не знаю, да и не спрашивала. Но поговорить-то им было о чём... Бог одарил твоего отца прекрасной памятью, твёрдой рукой, музыкальным слухом и превосходным чутьём художника. После разорения отец твой работал гравёром-художником на закрытой пермской фабрике по производству денежных знаков. И кто его только надоумил?.. Он ведь вместе с другими злоумышленниками решил организовать изготовление фальшивых денег.

Их быстро разоблачили, арестовали, а отца посадили в башню смертников, из которой через семь дней выходили только на казнь. Но через шесть дней отца освободили за недостаточностью улик. Ох, как я тогда напереживалась... Одному Богу только известно... Так что братьям-то, Ивану

и Коле, было о чём говорить... Было что рассказать и про разорение хутора, и кто куда успел убежать.

Наутро Иван предложил твоему отцу построить собственный дом в посёлке Новоплоский. Сговорились, что дом надо строить не мешкая! Иван взял на себя обязательство в этом же году организовать всех братьев на стройку и помочь со стройматериалом. Условие было одно – мать надо было куда-то определить. Порешили, что Варвара Ивановна до конца своей жизни будет жить вместе с Николаем в будущем построенном доме! На строительство дома съехались братья, сёстры с мужьями, и все они, как хорошо организованный хор, играючи построили пятистенный дом с пристройками и садом-огородом уже к осени 1939 года. Этот прекрасный дом, который построили братья и сёстры Нечаевы, стал и моим родным домом. Мы, дети, тоже вместе с Зинаидой и Анатолием участвовали в строительстве дома, помогая возить и ошкуривать брёвна для дома. Я смотрел, как, установив на высокие козла брёвна, дядя Ваня и дядя Александр большими двуручными (на две руки сразу) пилами распиливали толстенные брёвна на толстые и тонкие доски. Толстые доски шли на пол, а потоньше – на потолок. Были, конечно, и доски потоньше. Они использовались для обрешётки крыши и для пристроек. Доски для пола по краям обрабатывались специальным рубанком для получения ступеньки. И по этим ступенькам пол набирался (укладывался) внахлёст. Набранный (собранный) таким образом пол

не имел щелей и никогда не скрипел. После покраски такой пол выглядел монолитным деревянным покрытием. Я с удовольствием наблюдал, как слаженно и без крика работают мои дядьки и тётки. В свои пять лет я впервые увидел, как дядя Ваня ловко рубит сруб дома в лапу. Другие дядьки подают ему брёвна, а он из них наращивает и наращивает стены дома. Мне это очень нравилось и пригодилось и в будущем – в армии, за что я получил отпуск домой к родителям.

Наш дом №5 по улице Льва Толстого стал частью Новоплоского посёлка – на окраине города Перми. В этом доме мы пережили и Великую Отечественную войну (1941—45 гг.). В этом доме умерла и Варвара Ивановна, и мои (наши) родители.

На Урале принято время от времени собирать всех родных и устраивать посиделки! Собирались, как правило, на два дня! В первый день угощались тем, что мама наготовила, а стряпухой мама была отменной – пальчики оближешь! На второй день обязательно все гости участвовали в лепке пельменей. Это был такой семейный ритуал! В приготовлении участвовали все. Отец был самым искусным мастером по подготовке мяса для пельменей. Тётя Таня, моя крёстная мать, была самая лучшая мастерица по приготовлению пресных сочных. Дядя Саша всегда был за кашевара – он чётко знал, сколько нужно держать пельмени в кипятке, чтобы они и сварились, и не развалились. Остальные щипа-

ли пельмени. Больше всех нареканий было к щипальщикам. Бывало, кое-кому и по лбу деревянной ложкой доставалось – за халтуру. От щипача зависело, развалится или не развалится пельмень в кипятке. Будет ли пельмень аккуратным или, наоборот, таким разлапистым, что такой пельмень и в ротто никак не пропихнёшь! Вот и приходится с этим пельменем мучиться. То ли кусать его по частям, то ли на за ножичек браться да по частям его разрезать, а потом соображать, что с ним делать. Во время подготовки пельменей в праздничные дни, когда собиралось большое количество гостей, обязательно делали «счастливый пельмень», в который вместо мяса закладывали или кусочек селёдки, или луковицу, или ягоду! Хотя у молодёжи и бывали другие предложения. Считалось, что кому такой пельмень достанется – тому в этом году счастье привалит! И таким образом за общим собранием (застольем) объявляли счастливого человека и поздравляя его, говорили много хороших слов и добрых пожеланий, как в семейной жизни, так и на трудовом поприще!

Конечно, это была игра! Игра, придуманная не нами, а далёкими предками, но против неё никто не возражал, а к празднику – это была весёлая шутка!

Были и другие игры, как, например, игра в фанты! Каждый из присутствующих писал своё пожелание на маленьком клочке бумаги, и все скомканные записочки бросали в шапку или в кепку. А потом каждый по очереди с закрытыми глазами выбирал одну из записок и, указывая на одного из присут-

ствующим, приказывал исполнить желание, указанное в записке! Обычно в записках просили спеть, станцевать или поцеловать соседа справа или слева. И, конечно же, получались смешные курьёзы, если человек не умел танцевать или петь, например. Игры были разнообразные, и их было много!

За общей праздничной работой (суетой) и во время застолья частенько спокойно обсуждали и семейные дела, и о работе говорили, и о взаимопомощи, и о болезнях, особенно детских. И во всём чувствовалось, что это настоящая общая большая семья и каждый в ней заботится о каждом человечке этой большой родни. Тут же договаривались, кому и как надо помочь. Оговаривались сроки и время исполнения договорённостей. Если была нужна какая-нибудь коллективная помощь, писали отдельную бумагу, в которой указывалась дата, кто участвует и какие обязанности исполняет. Крепкие семейные узы – это как плот, где можно и приют найти, и отдых, и взаимопонимание, и душой отдохнуть.

К концу лета вечерело рано да и становилось прохладно, и молодёжь любила посидеть у костра, попеть песни, поговорить неспеша, излить свою душу подружке и, возможно, получить добрый совет или хорошую поддержку для себя в отношении понравившегося парня. А ведь частенько и так случалось, что интересы-то в отношении к интересному парню пересекались, и подружки уже становились далеко не подругами. В такие моменты я, будучи ещё ребёнком, всегда старался присесть, где-нибудь поближе ко взрослым, но так,

чтобы не мешать и не отвлекать внимания, и слушать и слушать, как они вели неторопливый разговор и приговаривали: «У нас одна семья, все наши! Жизнь! Есть жизнь! Всякое случается. Обсудить надо на семейном круге. Разобраться надо! Понять! И правильное решение принять! Никого в обиду не дадим и никого голодным не оставим. Коль какая и беда случилась – ничего! И мозги вправим, и на место поставим! В беде никого не оставим! На то мы и семья! Держитесь, мужики, все друг за друга! С нами наши бабы и наши дети! Мы за всех в ответе! Вместе – мы всё выдюжим!»

Таисия Ивановна Ширинкина

Бабушка Таисия Ивановна Ширинкина (в девичестве Каменских) была родной младшей сестрой моей бабушке Варваре Ивановне (в девичестве тоже Каменских).

Таисию Ивановну в малолетнем возрасте (в четырнадцать лет от роду) просватали (совершили обряд помолвки) с будущим мужем Алексеем Петровичем Ширинкиным – другом Дмитрия Ильича Нечаева. Женился Алексей Петрович на такой молоденькой и прекраснейшей девочке как бы впрок, когда побывал в гостях у Дмитрия Ильича Нечаева и познакомился со всем семейством и хозяйством Нечаевых.

Алексей Петрович был купцом первой гильдии и слыл в городе Перми очень богатым человеком. Алексей владел на реке Каме двумя пассажирскими пароходами и был большим меценатом практически всех частных предпринимателей (как правило, кустарей-одиночек по производству детских игрушек), которые промышляли своим ремеслом, изготавливая и продавая собственные изделия (детские игрушки) на пристанях рек Камы и Волги.

Зоя Алексеевна Ширинкина (слева) на прогулке по реке Кама на своём (отцовском) пароходе со своей мамой Таисией Ивановной и кухаркой Дусей (справа) встречает своего отца Алексея Петровича Ширинкина, который прибыл на встречу на втором своём пароходе (снимок справа)

Дмитрий Ильич и Алексей Петрович познакомились случайно – во время поездки за границу... Один – Дмитрий Ильич – ехал за струнами и планками для своих музыкальных инструментов в Италию, а другой – Алексей Петрович – в Австрию для закупки новых интересных детских игрушек

с целью их воспроизводства уже в России русскими мастерами-одиночками.

В России Алексей Петрович познакомился с местными кустарями, которые промышляли своим трудом вдоль рек Камы и Волги. Алексей оценивал мастерство поделщиков и предлагал им сделку по производству детских игрушек по образцу интересных зарубежных игрушек.

Мастеровые, которые откликались на такое сотрудничество, подписывали бумагу (соглашение) и обязательство по срокам исполнения и оговаривали ответственность и цену сделки. Изготовленные кустарями-одиночками игрушки по образцу иностранных игрушек Алексей Петрович скупал у них оптом, в соответствии с подписанным соглашением. А затем уже сам продавал их в больших городах и даже за границей. С местными кустарями Алексей проводил беседы, рассказывал, какими инструментами пользуются за границей, и если таковых не оказывалось в России, привозил их из-за границы. Алексей рассказывал местным умельцам, как за границей готовят краски для раскраски детских игрушек, и обращал особое внимание мастеров на правильный подбор красок, так как дети часто берут игрушки в рот, и краска обязательно должна быть только растительного происхождения, дабы не повредить здоровье ребёнка!

Этим промыслом – куплей и продажей детских игрушек – занимался ещё и его отец Пётр Акимович Ширинкин 1881 г.р., который также ездил за границу и привозил оттуда

интересные для бизнеса различные детские игрушки.

Алексей Петрович хорошо владел немецким языком и за оригинальными игрушками ездил в основном в Германию, а иногда и в Австрию. В одной из своих поездок за границу Алексей Петрович и познакомился с Дмитрием Ильичом, который также ездил за границу, но в Италию для покупки планок и струн для своих – им же изготовленных гармошек и балалаек.

Во время одной из заграничных поездок они случайно встретились, разговорились и хорошо познакомились. Знакомство постепенно перешло в крепкую дружбу, и они вскоре породнились, женившись на родных сёстрах Варваре Ивановне и Таисии Ивановне Каменских.

Но так как младшая сестра Варвары – Таисия была на четыре года моложе, то родители Алексея и Таисии во время сватовства договорились, что до шестнадцатилетнего возраста Таисия будет жить в доме своего отца. А за эти два года Алексей Петрович должен был построить в Перми свой особняк на берегу реки Камы, и только после постройки они вместе (Алексей и Таисия) переедут туда на постоянное место жительства, и там уже и сыграют своё первое новоселье, и одновременно сыграют уже самую настоящую пышную свадьбу! Как договорились, так и сделали!

Таисия жила два года со своими родителями, а затем, когда Таисье исполнилось полных шестнадцать лет, она переехала к своему мужу в Пермь в новый двухэтажный особняк

на крутом берегу реки Камы, вблизи ж/д станции «Пермь II» («Пермь вторая»).

Через два года – после свадьбы, когда Таисии исполнилось уже восемнадцать лет – она родила дочь Зою. Жили Ширинкины на втором этаже своего вновь построенного особняка. На нижнем этаже была контора, где работал Алексей Петрович и его наёмные люди.

С улицы Толмачёва был виден парадный вход особняка с широкой высокой лестницей, над которой был мезонин с множеством витражей из цветного стекла. Особняк стоял глубоко в саду метрах в ста от общей проезжей дороги, которая через сто метров заканчивалась тупиком.

Перед особняком была большая площадь, а далее к дороге стояли слева и справа постройки для лошадей, карет и различного сельскохозяйственного инвентаря...

Алексей Петрович погиб во время Гражданской войны, и женщины вместе с прислугой остались одни. Вскоре они взяли на воспитание двух сирот – Александру (Шурку) и Александра (Сашку). Затем бабушка Таисия и тётя Зоя обратились к моему отцу Николаю за разрешением взять шефство надо мной по моему светскому воспитанию.

Отец поговорил со мной и сказал, что он не одобряет барство Ширинкиных, но против воспитания моего у этих барского типа чопорных женщин не возражает. Так и договорились! Я был обязан не реже трёх раз в неделю бывать в доме Ширинкиных и рассказывать им о своих делах.

Наставники выслушивали меня, делали разбор моего поведения и учили, как надо себя вести и в школе, и дома, и как разговаривать со взрослыми и со своими сверстниками! Обучали меня, как нужно сидеть за столом, как пользоваться салфеткой, столовыми приборами, как нужно есть, не чавкая и не чуркая, как нужно пользоваться солонкой, перчаткой, горчицей. Что можно и нужно брать руками и чего нельзя делать ни в коем случае!

Мои тётушки требовали от меня, чтобы я всегда ходил в чистой рубашке и чистых штанах. И чтобы я не стыдился, если у меня на одежде заплатка. Они мне частенько говорили: «Стыдно быть грязным и рваным! Одежда должна быть всегда чистой. Пусть она будет заштопана или с аккуратными заплатками, но никогда не должна быть рваной и грязной!»

Тётя Дуся, домработница семьи Ширинкиных, почему-то себя считала предсказательницей и частенько, глядя мне прямо в глаза, говорила: «Ох! И хитрец из этого парнишки вырастет! Ох! И большой, большой хитрец...» Мне эти предсказания тёти Дуси очень не нравились! Но я, как уже воспитанный человек, даже никакого вида ей не подавал, что всё это мне очень и очень не нравится!

Я понимал, что это взрослые люди и мне их осуждать нехорошо да и не принято! Поэтому я всегда старался поменьше сталкиваться с тётей Дусей и побольше общаться с бабушкой Таисией Ивановной и тётей Зоей. Они обе относились ко мне не только с материнской любовью, но и с ка-

ким-то неподдельным интересом, словно знали, что из меня они смогут слепить хорошего, нужного и порядочного человека. Они любили меня как своего ребёнка, следили за моей учёбой и даже приходили на вокзал проводить меня, когда я уезжал в какую-нибудь интересную экспедицию или командировку. Мы любили, уважали друг друга и дружили до их глубокой старости.

Во время Второй мировой войны всем было очень тяжело, голодно и холодно. И я всегда знал, что, придя к тётке и бабушке, меня накормят и обязательно дадут что-нибудь вкусненькое с собой для моих братьев и сестрёнки. Я до сих пор помню запах и вкус их превосходных вкусностей – безе и творожные шанежки на сметане.

Моя мама была прекрасной и великолепной стряпухой, но и она таких вкусных изделий не могла испечь. У неё всё другое крестьянское получалось великолепно, а вот безе ей никак не удавалось. А вот бабушка Таисия была непревзойдённая мастерица по таким великолепным, вкусным изделиям! И не зря бабушкиными шанежками, безе, куличами и пончиками угощалась вся «пермская знать» – областные, районные и даже церковные правители! Изготовить все эти вкусности было непростым делом. Исходным материалом, конечно же, была хорошо приготовленная квашенка, которая ставилась с вечера в тёплое место, а утром уже вымешивалось тесто на сметане.

Самым сложным в приготовлении сметанных шанежек

было сделать низкий буртик на будущей шанежке. Ведь высота шанежки, как правило, не превышала семи миллиметров, а в неё ведь ещё и творог нужно было поместить! Шанежки всегда были сочными и очень-очень вкусными и на первый день, и на второй. Мне кажется, что вкус этих шанежек я до сих пор помню! И до сих пор помню эти золотые руки моих родных, их добрую улыбку и никогда не забуду этих тёплых, участливых глаз моих тётушек и бабушек!

В тридцатые годы после раскулачивания их особняк двухэтажный не тронули и оставили в собственности Таисии Ивановны. Оставшись одни после гибели своего кормильца Алексея, Таисия Ивановна и её дочь взялись за воспитание сирот – Сашки и Шурки. А когда я немного подрос, то за воспитание меня – племянника. Сашку и Шурку мои тётушки, окружив их заботой и вниманием, растили и воспитывали до восемнадцатилетнего возраста. А после – дети вылетели из купеческого гнезда по своим интересам. Александр ушёл в мореходку, а Александра подалась в крестьянство. Я с ними часто встречался, но у нас общего интереса не получилось. Был я в ту пору ещё очень мал, а они были уже взрослыми людьми. Я помню красавца Александра в чёрном морском мундире. А Шурку, весёлую и шептунную, женой председателя колхоза... Шура хорошо знала мою маму и всегда старалась помочь ей чем-нибудь. Будучи женой председателя колхоза, она устроила мою маму на работу по уборке уро-

жая пшеницы. Убирать урожай мы поехали втроём: мама, её шестимесячная дочь Екатерина и я как нянька для своей сестрѐнки. На этой работе я увидел воочию, как мама умеет работать серпом. Это была настоящая крепкая крестьянка, которой не было равных среди других колхозниц, убирающих урожай. Председатель, приезжая проконтролировать, как идёт работа, делал колхозницам замечания по потере колосьев на поле и ставил в пример, как работает Клавдия Андреевна (моя мама). Работа у мамы спорилась. Она жала колосья быстро, не пропуская ни одного колоска. Вязала снопы, ставила их вверх колосками и накрывала снопом сверху. Поставленные вертикально снопы и накрытые сверху ещё одним снопом называлась «бабка». Снопы в бабках стояли не менее одной недели. Зѐрна в них подсыхали и в то же время были укрыты от дождя. Затем подсохшие снопы осторожно грузили в шарабан и отвозили на обмолот зерна. Я с Катей сидел на опушке леса, следил за ней, чтобы было всё в порядке, и наблюдал за работой мамы. В обед приносил сестрѐнку маме покормить грудью прямо в поле. Затем сестрѐнка засыпала, и тогда мы с мамой тоже устраивались покушать то, что приносили с собой (хлеб, картошку, яйцо, лук зелёный, молоко или квас).

На третий день работы во время сна Кати мама начала меня учить, как правильно жать колосья пшеницы. Конечно, я сразу-то не мог так работать, как мама... Мама говорила мне наставническим, твёрдым голосом.

– Ты что это так далеко от левой руки серп-то держишь! Смотри, сколько колосьев-то потерял!

Я, опасаясь поранить руку серпом, начал всё ближе и ближе приближать серп к левой руке и всё-таки умудрился поранить руку серпом.

Мама, перевязав мне руку платком, снова строго сказала: – Неправильно ты делаешь, Боря, – сказала мне мама! – Сперва жниво, крепко зажатое в кулаке, переведи за серп, а затем срежь серпом жниво!

Через пару дней я уже неплохо жал. И мы с мамой в два раза быстрее убрали выделенный нам надел. Помощь Шуры нам очень оказалась кстати! Расчёт был натурой. Зерном, картошкой, свёклой, морковью и яйцами. Зерно и овощи нам привезли с оказией домой (в Пермь), а яйца, их было три десятка, я нес с гордостью сам. Мама, поглядывая на меня, как я нес яйца, приговаривала: «Неси осторожно! Смотри – не разбей! Руку-то подальше от колена держи, подальше»... Заработанных продуктов нам хватило до глубокой осени. Часть картошки, что помельче, оставили на семена, чтобы было что посадить по весне за городом – на выделенной полоске земли от завода и в собственном огороде.

Бабушка Таисия Ивановна и тётушка Зоя Алексеевна Ширинкины всегда носили тонкую одежду, красиво вышитую и с какими-то оборками, прелинами. Глядя на них, можно было подумать, что они всегда демонстрировали окружающим, как нужно одеваться, в зависимости от погоды и време-

ни года... А шубки (шубы) у них были или очень короткими, или очень длинными и всегда отороченные тонкой полоской из дорогого меха. И вот сидит такая красавица-принцесса Зоя Алексеевна в карете – ну прямо как на картине «Портрет незнакомки». Семь раз её сватали разные кавалеры (от крестьян до приказчиков и статских советников), но ни один из них не покорила её сердце. Тем не менее даже и в более поздние времена на Зою Алексеевну многие мужчины с завистью заглядывались, втайне примеряясь к образу её поклонников.

Конечно! Зоя Алексеевна и в очень преклонном возрасте была завидной невестой для любого положительного служащего человека, но все они были какими-то простаками, не соответствующими ни её красоте, ни её незаурядному воспитанию, да ещё и с таким приданым, как двухэтажный особняк с придворными пристройками и хорошим садом-огородом, где росли и сливы, и яблони, и груши, крыжовник, малина, смородина, боярышник, черёмуха, ежевика.

Однажды Зоя Алексеевна показала мне одного из её женихов.

– Вот посмотри-ка, Боря, на этого мужчину, который идёт к нам, чтобы познакомиться с нами! Он тебе нравится?

И я увидел человека в не очень-то чистых сапогах, мятых брюках и в неглаженной синей рубашке, подпоясанной шёлковым красным верёвочного типа пояском с кисточкой.

– Вот скажи мне, Боря! Он жених или уборщик с какого-нибудь двора?

– Да! Конечно! Этот человек действительно очень похож на самого настоящего уборщика соседнего двора или площадки магазина!

– Вот, видишь, Боря! Всегда следи за собой, за одеждой и обувью! И никогда не позволяй себе опускаться до такого неряшливого состояния!

Да! Это были люди разных социальных слоёв! С таким чувственным воспитанием тётке Зое трудно было выйти замуж. В ту пору и в том месте ей не было равных! А выходить за полуграмотных ей просто не позволяла её же собственная гордость и достоинство! Грустно, конечно, но тётя Зоя так и не вышла замуж и прожила старой девой до восьмидесяти лет. А её мама дожила до девяноста лет.

Алексея Петровича Ширинкина, мужа и отца моих тётушек, я помню только по фотографиям и портрету, которые стояли на комодке рядом со слониками и огромным зеркалом в большой гостиной комнате второго этажа. Мой отец считал, что эти слоники и прочее убранство особняка – мещанство! Может быть, и так, но с глубокой перспективой слоники-то были из гипса, а химически чистый гипс хорош и при заживлении ран и нечаянных порезов. А огромное зеркало, выполненное из венецианского стекла и в багете, было настоящим украшением большой гостиной комнаты.

На фотографии Алексей Петрович выглядел молодо с гор-

до поднятой головой с короткими усиками, в костюме-тройке, с бабочкой, с часами, с золотой цепочкой на груди, которая волнами свешивалась с одного бока на другой бок его бархатной жилетки. Эту золотую цепочку и золотые часы, которые уже не ходили, тётя Зоя подарила мне на день моего двадцатипятилетия. Я глубоко признателен моим тётушкам и бабушкам за их поддержку, которую они оказывали мне на протяжении всей своей жизни. И, конечно же, эта поддержка особенно была нужна в наше тяжёлое полуголодное военное время. С самого раннего детства мои тётушки особое внимание обращали на личную гигиену человека. Они рассказывали мне о болезнях, как их следует предотвращать. Какие лекарства в первую очередь надо принимать в тех или иных случаях. Что нужно делать при ушибах и порезах или при отравлении...

Рассказывали, как следует хранить бельё и как стирать. Мои тётушки были моей дополнительной широкой школой по многим жизненным вопросам. Мои бабушка Тася и тётя Зоя очень повлияли на моё воспитание и поддержку моего здоровья в голодное военное и послевоенное время. Будучи уже взрослым, я частенько навещал Зою Алексеевну, и мы с ней просиживали допоздна, вспоминая наши добрые и заботливые отношения. После войны тётя Зоя свой особняк «разобрала и перевезла» на правый берег Камы, но чтобы снова выстроить из разобранного материала дом, не хватило ни сил, ни средств. Все предпринятые ими усилия были на-

прасной тратой средств. Сруб огромной кучей лежал прямо на земле, открытый всем ветрам, дождям и снегу и потихоньку из года в год начал подгнивать и в конце концов, почернев, потерял свою былую цену и впоследствии был распродан по бросовой цене – на дрова. К моему глубокому сожалению, у этих женщин не было в семье настоящих мужчин. Сашка, воспитанный женщинами, не остался жить в доме Ширинкиных, а уехал в Ленинград. Уходил надолго в плавание и навещал дом своих приёмных милых родителей очень редко, да и на очень короткое время.

Я тоже, пока учился на геофаке, летом каждый год уезжал в какую-нибудь геолого-разведочную экспедицию и на практике изучал и познавал азы строения нашей Земли – земной коры, методы определения возраста и места образования различных слоёв и пород, выходящих на поверхность земной коры в результате тектонических преобразований, проходящих на земном шаре. Изучал и познавал контрастные отличительные признаки различных пород. И, конечно же, возрастные категории слоёв Земли, которые в первую очередь определяются по окаменевшим формам фауны и флоры. С фауной, как я понимаю, это не так уж и сложно разобраться! Что ни фауна – то свой возрастной период! А вот как с окаменевшей флорой, которая даже по прошествии нескольких миллионов лет остаётся неизменной как по форме, так и по содержанию. Например, в приволжской кварцевой горе Ослиные уши, находящейся между городами

Саратов и Волгоград по правому берегу реки Волга, при разработке (дроблении) кварцита, а я бы даже сказал чистого кварца, используемого для производства стеклянной тары, я находил куски кварца, которые содержали внутри себя зелёные листья, идентичные с листьями липы, осины, как будто бы только что сорванные с дерева. Какие катаклизмы происходили в то время с земной корой, трудно себе представить, но живые, нежные, зелёные листья деревьев далёких времён, чистенькие, ровные, без каких-либо следов деформации, находились внутри этого твёрдого кварца. Кварц – это минерал с твёрдостью семь по шкале Мооса. И как это можно себе представить такую тонкую живую субстанцию, как лист, и твёрдый-твёрдый минерал кварц? Казалось бы, это две совершенно несовместимые субстанции?! А как же тогда мы не удивляемся такому явлению, как нахождение насекомых внутри янтаря. Янтарь ведь тоже твёрдое вещество, но нам известно, что янтарь окаменел в результате тектонических подвижек земной коры. Так, может быть, и кварц в своей далёкой молодости мог быть таким же подвижным, как и смола будущего янтаря? Правда, янтарная смола не опускалась на большие глубины Земли, а вот кварц, вероятно, приближался к верхней мантии земной коры (верхней части магмы) и из кристаллической формы в результате воздействия температуры и давления, возможно, переходил в псевдоаморфную форму и в виде тягучей подвижной массы выливался, как магма при извержении

вулканов, на поверхность земной коры, в которую и попадали листья от близлежащих деревьев. Но ведь магма – горячий расплав минералов, и живые листья деревьев должны были бы хотя бы обуглиться, а они в этом твёрдом кварце находятся как живые, ярко-зелёные!

Но эти гипотетические предположения не выдерживают никакой критики. Ведь в этом случае горячий кварц, поглощающий листья, мгновенно должен бы их превратить в обуглившуюся структуру с явными признаками только формы листа, но никак не сохраняющую живую зелёную субстанцию свежего, только что сорвавшегося с ветки листа. Но факт полиморфной и полукристаллической формой кварцита горы Ослиные уши – был налицо! И имеющиеся зелёные листья без признаков какого-либо повреждения – тоже были налицо! Если с условиями формирования янтаря нет никаких сомнений, то в случае с кварцем пока существуют только одни предположения и нет никакой теоретической базы существования подвижной фазы кварца и живого листа! Если в основе янтаря с мушками присутствует в первоначальном виде живая подвижная смола, существующая при нормальной температуре, и насекомые, как естественное обитаемое существо, то появление живого листа в кварците пока не находит своего объяснения.

Конечно, для меня любая геологоразведочная экспедиция была очень-очень интересна и в плане расширения знаний, и в плане приобретения практического опыта! Первич-

ным материалом в определении тектонической структуры той или иной площади, участка земли – являются обнажения (раскрытия), которые в большинстве случаев находятся вдоль правого берега рек, текущих в северном направлении, или вдоль левого берега рек, текущих в южном направлении. При наличии каких-либо сомнений (для более точного определения структуры площади) дополнительно проводят картировочное (до ста метров) бурение земной коры или ведут сейсморазведку с помощью электрокаротажного зондирования или методом небольших точечных взрывов вдоль поперечного профиля предполагаемой тектонической структуры исследуемой площади земли.

Находясь практически в постоянном приобретении различных и очень интересных теоретических и практических знаний, я никак не мог вырвать себя из этой увлекательной пучины и погрузиться в разрешение проблем своих тётушек Зои и её мамы Таисии по части разрушенного ими же дома. Они (мои тётушки) без всякого совета со своими родственниками, вместо того чтобы продать этот особняк или отдать его в аренду какого-нибудь предприятия (под контору) – решили разобрать весь особняк и разобранный материал складировать на площади перед особняком. Там, конечно же, надо было бы привлечь к этому делу дядю Ваню с его мастерами, но это уже совершенно другое дело, за которое, возможно, и не взялся бы даже и дядя Ваня! Уж слишком большими вырисовывались такелажные расходы по перевозке материа-

ла на другой (противоположный) берег реки Камы. А затем сборки особняка, где и строительства-то в то время никакого не было. И света там тоже никакого не было! И кому нужен такой особняк в этом пустом захолустном месте? Кто его купит? И эти расходы по разборке, складированию, перевозке на другой берег реки и опять сборке – в двукратном размере перекрывали все доходы, предполагаемые от продажи этого когда-то прекрасного особняка.

Мой отец Николай Дмитриевич, как финансист, предлагал моим тётушкам сдать особняк в аренду под финансовую контору, которая бы выплачивала тётушкам ежемесячно небольшую сумму с правом выкупа всей стоимости особняка в течение десяти лет. Но мои тётушки недооценили предложение моего отца и приняли, как им казалось, предложение какого-то адвоката – возвести особняк на правом берегу реки Камы, пока там ещё никто не застолбил самое прекрасное место для такого прекрасного строения, как двухэтажный особняк Ширинкина! Тётушки приняли такое заманчивое иллюзорное предложение, но свою мечту осуществить так и не смогли из-за очень больших сложностей как в получении разрешения от архитектурного ведомства города Перми, так и ведомства градостроения. И мои тётушки в результате длительных мытарств поимели только большие расходы и денежную компенсацию от продажи дома – на дрова. Да! Вот такова жизнь! Конечно же, безусловно, собственный особняк в своём первоначальном виде выглядел великолепно.

но! Но во время разборки особняка, да и во время складирования разобранных частей дома в одну общую кучу, отдельные части дома получили повреждения, а слабенькие отдельные части когда-то великолепного особняка вообще сломались. О штукатурке и об окраске изделий, не говоря уже и о прекрасной прежде голландской печке – и говорить нечего! Всё превратилось со временем в какую-то грудку никому ненужного хлама! Окраска осыпалась. Штукатурка полопалась. Крыша вообще пришла в полную негодность при разборке двухэтажного особняка.

Да! Этим женщинам трудно было расстаться с былой красотой бывшего любимого особняка. Но что тут возможно было придумать?! Борясь за сохранение былой красоты, эти хрупкие женщины сами же и разрушили то, что когда-то имело красоту и большую цену.

Валентина Петровна Горохова

Весной 1942 года, на второй год войны с фашистами, моя мама, Клавдия Андреевна, отправила меня (а мне уже было восемь лет) на пароходе в деревню Першино к моей бабушке (маминой маме) и сказала, что сама она приедет к нам через неделю и привезёт хлеба.

В Таборах, где обычно приставал пароход, откуда до деревни рукой подать, пароход не смог причалить к пристани из-за низкой воды, и мы смогли сойти на берег только в городе Оханске – километрах в десяти от Першино. Но я уже к девяти часам вечера благополучно прибежал к дому своей бабушки – маминой мамы! Я весь был в приподнятом настроении, ведь в деревне есть лес, грибы, ягоды, а на полях – съедобные пестики, а иногда на колхозных полях даже можно было и картошку найти, особенно после хорошего проливного весеннего дождя...

Вбежав во двор, я закричал:

– Бабушка! Бабушка! Ты где? Это я к тебе приехал в гости на целую неделю!

Но моя бабушка Валя моему появлению почему-то не очень-то обрадовалась... Бабушка начала говорить, что я приехал невовремя, что у неё из еды ничего нет и она не знает, чем же она будет меня кормить, своего дорогого и любимого внука...

Однако в это время у бабушки была корова, десяток кур, три овцы, поросёнок и три гуся. У бабушки единственной в деревне был сепаратор по переработке молока, и она сепарировала не только своё молоко, но и молоко других жителей деревни Першино – за десятину и через день возила сметану на продажу в районный город Оханск. Часть молока она томила в русской печке, и это томлёное молоко было просто объединением – жёлтое молоко с пеночкой в глиняной крынке с тёмной корочкой по краям. И в избе, когда бабушка готовила яичницу, очень, ну очень вкусно пахло!

Надо признаться, что бабушка не очень-то меня любила и всегда ставила мне в пример моего старшего брата Анатолия.

– Борис! – говорила она. – Ты только посмотри-ка на своего старшего брата! Он ведь не успел в лес войти, как уже набрал и грибов, и разных ягод... Посмотри-ка, почти целую корзину принёс, а ты и пол-лукошка не набрал – полдня прошлёл по лесу, а какой толк-то от тебя – всего-то пол-лукошка, на один раз покушать...

Мы с братом в лес ходили всегда вместе... Анатолий был очень, ну очень хитрым... Вот один пример нашего похода в лес... Время было уже к обеду, и в такое короткое время, до обеда, много ли можно было бы набрать грибов и ягод? Конечно же, ни о какой корзине, наполненной доверху грибами и ягодами, не могло быть и речи! Но Анатолий знал – он же был на целых три года старше меня, – что к этому

времени как раз местные мальчишки, рано утром уходившие в лес за грибами и ягодами, к обеду набрав грибов и ягод, возвращались шумной гурьбой домой. И таким образом пополняли скудные деревенские запасы еды своими свежими грибами, ягодами, собранными в соседних лесах и перелесках. Так и случилось в этот раз... Едва мы приблизились к лесу, как навстречу нам вышли двое довольных и весёлых деревенских ребятишек. Мой брат Анатолий подошёл к ним и спрашивает:

– Ну что, ребята, богатый улов собрали?

Ребятишки показали ему свои корзинки...

– Ну вы и лодыри! – строго сказал Анатолий. – Разве так грибы собирают? Набрали одних поганок! А ягоды-то где? Что, и ягод не увидели! Эх вы, собиральщики!.. Надо было идти вон туда – поближе к берёзам, там за полчаса можно набрать по целой корзине! Эх вы, местные знатоки, а не знаете, где грибы в лесу растут! Ну ладно! Я вам рассказал, где надо собирать настоящие грибы и ягоды, вот туда и идите! Времени-то у вас до обеда ещё предостаточно... А ваши жалкие грибочки и ягодки, ладно уж, высыпайте мне в корзину! А я вам за это перочинный ножичек дам! Вот, пожалуйста, пользуйтесь моей щедростью! Только, чур, об этом никому ни слова! Поняли? А если вы или кто-нибудь из вас расскажет кому-нибудь об этом, ножичек обязательно потеряете...

Ребятишки высыпали свои грибы и ягодки в корзину брата и, развернувшись, побежали в перелесок снова искать гри-

бы в надежде, что до обеда они наберут грибов по целой корзине...

Анатолий, этот фантазёр и обманщик, всегда выходил из воды сухим. На его фоне я всегда выглядел недотёпой и несмышлёнышем. Я понимал, что я вот так никогда не смогу поступить, потому что это лживо, гадко и непорядочно! Он, такой большой и сильный, а эти дети – они и так перед ним тряслись, как зайцы перед волком – шпаны разной кругом было предостаточно. Они и без ножичка всё отдали бы ему... А этот ножичек – просто издевательство какое-то. Придумал какую-то тайну... Смотрите! Никому ни слова! А то ножичек-то вмиг потеряете!.. Этот ножичек не простой – он знает, где грибы растут и ягодные места! И смотрите! Грибочки ножичком срезайте осторожно – под самый корешок! А то грибницу можно повредить, и грибы тогда этом месте вообще перестанут расти!

Зато перед бабушкой он ходил гоголем, любимым племянником, и она его всячески поощряла и ставила мне в пример!

Ябедничать на брата я никогда и не собирался, да и никогда даже и не помышлял! Это совершенно не в моём духе! Опускаться до такой мерзости, до такой низости я никак позволить себе не мог и даже в мыслях этого себе не позволял! Я считал это позорным явлением и совершенным позором в отношении самого себя!

А раз бабушка плохо соображает, то пусть так и думает,

что за полчаса можно целую корзину грибов набрать, при этом не заходя даже в лес. А подойти к бабушке или ещё к кому-нибудь и на кого-то наклеветать – это невыносимо! Это просто гадкое дело! И это – не для меня!

А сейчас в доме бабушки я был один, и радоваться нелюбимому внуку у бабушки Валентины не было никакого желания.

Живя у бабушки и дожидаясь своей мамы, я каждое утро ходил и в лес, и в поле, и всегда что-нибудь да приносил к обеду. А бабушка, встречая меня с грибами и ягодами, каждый раз жаловалась, что нет хлеба, а без хлеба стол не стол, и всё время приговаривала:

– Ну когда же мать-то твоя приедет и хлеба привезёт! Ведь в деревне-то хлеба нет! А в городе хлеб-то всегда есть!.. В городе-то всё есть, а в деревне-то – поди ж ты! Выживай как хочешь!

Я всё время говорил, что надо подождать всего одну неделю, и мама приедет и хлеба привезёт! Но на пятый день ожидания бабушка не выдержала и отправила меня обратно в Пермь – за хлебом.

Разбудив меня рано утром, бабушка сказала:

– Матери твоей не дождёшься... Вот тебе пять рублей на пароход и две лепёшки на дорогу. Без хлеба не приезжай! Нечего тебе тут делать, коли хлеба нет! Иди в Таборы – там сегодня к обеду пароход будет!

Я хотел было спрятаться, залезть на сеновал и там, укрыв-

шись сеном, дожждаться своей мамы. Ведь до приезда мамы остался всего только один день или максимум два! А ехать за хлебом в город – это два-три дня надо потратить, да ещё и за дорогу надо заплатить! Но, подумав и представив, как это будет некрасиво с моей стороны, если бабушка вдруг найдёт меня на сеновале при сборе куриных яиц... Я подумал, подумал и, повернувшись к выходу, медленно пошёл в Таборы. Да и куда спешить-то? До пристани – не больше часа, а до обеда, когда придёт пароход, целых пять часов. И я в солнечное приятное утро, когда ещё и роса не поднялась с зелёной травы, медленным шагом побрёл в направлении к деревне Таборы, где, как сказала бабушка, меня будет ждать мой всегда любимый пароход.

Придя на пристань, я уселся в тенёчек на брёвнышке и начал кидать камушки в чистую воду реки Камы. Солнце уже клонилось к закату, а пароходы шли и шли, и всё мимо и мимо! Так было и в пятницу, и в субботу, и в воскресенье – была слишком низкая (мелкая) вода.

Свои лепёшки я съел ещё в пятницу. А в субботу сижу я на сходнях у причала, перебираю речные камушки, складывая наиболее красивые себе в карман, как вдруг одна из молодых женщин, проходящих мимо причала, говорит своей подруге:

– Валька, Валька! Посмотри-ка на причал! Посмотри, как этот мальчишка похож на Клавку! Смотри! Смотри! Ну прямо вылитая Клавка!

Валентина, взглянув на меня, подошла ко мне почти вплотную и, заглядывая мне прямо в глаза, спросила улыбаясь:

– А ты, мальчик, чей будешь-то? А как твою маму зовут?

Я гордо поднялся, встал совершенно прямо, как уже взрослый мальчик, и ответил Валентине, что мою маму зовут Клавдия Андреевна!

– Ну вот! Что я тебе говорила, – весело сказала подруга. – Какой интересный мальчишка! Ну прямо вылитая Клавка!

Валентина радостно всплеснула руками, и на её лице появилась такая счастливая улыбка, словно она встретила своего родного сына!

– А тебя, наверное, зовут Борис?

– Да! – подтвердил я. – Меня зовут Борис!

– Ну надо же, надо же! Прямо вылитая Клавка! – радостно повторяла Валентина. – А что ты тут делаешь? Откуда ты появился? А где твоя мама?.. И давно ли ты тут сидишь?..

Она всё расспрашивала и расспрашивала, и мне казалось, что этим расспросам не будет и конца...

– Ну, что мы тут стоим-то? Пойдём ко мне домой – вон второй дом, это мой!

Я сказал, что я не могу уйти, ведь я жду уже давно парохода, а если он придёт без меня, то я тогда уже не смогу добраться до города!

– Да не волнуйся ты, Боренька! Пока пароход придёт да

пристанет к пристани, пройдёт двадцать минут, а до моего дома – всего пять минут! И окна мои выходят прямо на реку, так что никак мы с тобой пароход не пропустим! Да и ты, наверное, голодный? Давай! Пошли! Я тебя покормлю! Ну, давай-давай, пошли! Мы ведь с твоей мамой закадычные подружки! Давай-давай! Не стесняйся! Пошли! Пошли!..

Она привела меня в чистую, светлую, уютную горницу своей свежевыбеленной избы. Поставила самовар, на стол принесла шаньги, пироги, сладкий хворост, молоко, сметану. И мне показалось, что я снова дома и что это моя мама хлопочет и хочет угостить своего сыночка и приготовить ему что-то вкусненькое, свежее и сладкое. Теплота и забота маминой подружки всё больше и больше наполняла меня каким-то домашним теплом, уютом, родным и вечным домашним приютом... В глазах её светилась какая-то неподдельная радость, материнская забота, любовь. Она всё улыбалась и, глядя мне прямо в глаза, приговаривала:

– Да ты кушай, кушай, Боря! Не стесняйся! Ох! Как мы с Клавой-то давно не виделись...

В это время я услышал два гудка парохода и, подскочив, выбежал на улицу и побежал к пристани. Пароход, сделав круг, прогудел ещё раз, давая понять, что пристать не может, и ушёл вверх по реке Каме. В воскресенье рано утром, с восходом солнца, я был уже на пристани. Но вода была мелкая, и все пароходы всё так же шли мимо пристани, не подавая даже и сигнала (гудка парохода). Двое мужчин, которым

тоже надо было попасть в город Пермь, решили идти пешком на железнодорожную станцию «Нытва». Они окликнули всех ожидающих пароход:

– Кто с нами на железку пойдёт?! Парохода тут всё равно не дождёшься! Посмотрите сами! Видите? Какая тут возле пристани мелкая вода, а вместе шагать тридцать два километра – веселее!

Тридцать два километра – путь немалый! И никто, кроме меня, не присоединился к призыву мужиков.

Да! Я вместе с ними отправился на железнодорожную станцию, которая находилась в тридцати двух километрах от пристани Таборы. А куда мне деваться? Бабушка ведь выставляла меня за двор. Значит, я не могу уже к ней вернуться без хлеба. Пароходы – проходят мимо... Теперь только у меня одна пристань – это мой дом родной! Вот туда мне и надо свой путь держать!

Мои попутчики были крепкими здоровыми, как мне показалось, мужчинами. Один – лет сорока, в тёмно-коричневом костюме и при галстукe, показавшийся мне горожанином, нес в правой руке фибровый, модный в то время чемодан, а другой – постарше – в ветхом сюртуке, вероятно, крестьянин, не менее пятидесяти лет, нёс на плечах целый мешок картошки, и лямки, сделанные из простой верёвки, резко врезались в его плечи.

Пройдя с десятков километров, мы наткнулись на большую водную преграду шириной около ста метров. На проти-

вположном берегу заводи была видна лодка, прикованная к бревну, А неподалёку стоял небольшой уютный рыбацкий домик с аккуратным рядом стоящим свежевыкрашенным зелёной краской сараем.

На наши крики о помощи никто не отзывался. И тогда мужики решили идти обратно на пристань в Таборы. А что тут поделаешь?! По воде, як посуху – мы ходить не умеем!

Я понимал, что для меня – это погибель. Там, в Таборах, меня никто не ждёт, там нет для меня еды – мне никак нельзя возвращаться в Таборы! У меня только одна дорога – это добраться до моего родного дома! Да! Только там, дома, я найду для себя спасение. Вся эта неприглядная картина мгновенно пролетела в моей голове, и я сказал этим двум здоровенным мужчинам:

– Ну, что вы, дяденьки! Зачем же вот так сразу сдаваться из-за какой-то водной преграды! Давайте я переплыву на другой берег и достану эту так нужную нам лодку!

Мужики переглянулись между собой, подумали немного и, согласившись, сказали:

– Ну, если так, малой, то давай – плыви и, может быть, тебе удастся договориться с лодочником, и тогда, возможно, он перевезёт нас на свой родной берег. Да! И скажи лодочнику, что мы его за перевоз не обидим и даже очень хорошо с ним рассчитаемся!..

Я разделся, связал свою одежду в узелок, взял свой узелок в левую руку и поплыл на другой берег.

Плыть с поднятой рукой и с узелком мне было не очень-то удобно, да и ширина воды была приличной, и, меняя руки, моя одежда, конечно же, немножко подмокла. Но, выйдя на берег, я всё равно надел мокрую одежду на себя и подошёл к уютному домику рыбака.

Опрятный домик, обшитый снаружи вагонкой и покрашенный в зелёный цвет, вызывал уважение не только к домику, но и к хозяину этого жилища! Обойдя домик вокруг, я заметил, что входная дверь домика была закрыта на палку. Значит, хозяин домика где-то поблизости или отошёл, как говорится, на пять минут. Я крикнул несколько раз: «Хозяин, хозяин!» Но, никто не отзывался, и я отправился в сарай в надежде, что там-то я и найду увлечённого хозяина за какой-нибудь работой... Но и здесь мне никто не отозвался. Дверь сарая была не заперта, и я заглянул в сарай. В углу сарая аккуратно стояли вёсла, а на верстаке справа я увидел гвоздодёр.

Что делать?! Хозяина – нет! Выйдя из сарая, я снова начал кричать хозяина! Но на мой крик никто не отозвался! Как же мне быть?! И тогда я принимаю решение! Пока хозяин придёт, я уже перевезу мужиков, а они щедро отблагодарят хозяина за перевоз, и он не будет в накладе и, конечно же, не будет на меня сердиться за моё самовольное использование его лодки! Взяв гвоздодёр и вёсла, я отправился на берег, чтобы воспользоваться лодкой. Отковав лодку, я поплыл к моим попутчикам. Мужики были очень довольны!

– Ну вот, теперь ты наш спаситель, перевозчик паромный. Только вместо парома, – сказал городской, – у тебя оказалась лодочка, да и то ворованная... Ты ведь её стащил! Лодочку-то ведь ты взял бес спроса хозяина... Ну ладно! Ладно! Не огорчайся! Раз уж перевёз, так перевёз... Маленький ты наш воришка! Ты ведь ещё, вероятно, не знаешь, что воровать-то – это нехорошо... С одной стороны, ты вор, а с другой – ты наш спаситель!

– Я не вор! – с раздражением ответил я! – А что мне оставалось делать-то?.. Плыть обратно и идти на пристань, к которой не пристают пароходы?.. Вы же сами крикнули, что ждать на пристани нечего! Надо идти на железку! Кто с нами – вперёд! Путь до железки не близкий – весь день придётся шагать и шагать!.. Вот я и согласился идти вместе с вами, и мы втроём уже целых полдня шагаем и шагаем на эту самую «железку». Мы все вместе много протопали, а вы меня вором обозвали! Вы хозяина за перевоз-то каким-то образом отблагодарили? Так кто из нас порядочный человек? А?..

От этих взаимно оскорбительных разговоров мне стало как-то не по себе, и я замкнулся!

По сути дела, они были правы. А что было мне делать? Ложиться и помирать! Вот так – из-за какого-то пустяка – водной преграды. Я бы и один мог переплыть эту водную преграду и уйти на железку. Но я же не знал дороги на эту самую железку. А на нашем пути пока ещё ни одна душа не объявилась! Ведь целых тридцать два километра надо ид-

ти... Эти мужики мне очень не понравились. Один называет меня воришкой, а другой помалкивает, как будто бы он тут ни при чём. Мне-то никакая лодка не нужна! Переплыл и пошёл дальше... А они-то что? Боятся, что ли, за свои вещички или плавать не умеют?! Здоровенные два дядьки, а сделать что-либо в свою же пользу – кишка тонка?! А расусоливать и мораль мне читать, особенно этот городской! «Кто вор, а кто не вор»... Ну и не садился бы в эту ворованную лодку, раз уж ты такой моралист! Сидел бы на берегу и ждал бы, как говорится, у моря погоды! А у меня другая мораль! Появилась преграда – надо её преодолеть и двигаться дальше, а не распускать нюни! Преграды – они всегда были, есть и будут! Они на каждом шагу! Большие и маленькие! И что? Спотыкаться и падать?! Нет! Это не мой удел! А такие люди, как городской, это не мои попутчики! Но делать нечего. Они знают дорогу! А я без них, когда в округе никого нет и некого спросить про дорогу, могу просто пропасть! И я терплю их оскорбления, хотя деревенский и не сказал ни одного плохого слова в мой адрес, но и это молчание (а значит, согласие) тоже угнетало меня! Оставив лодку на том же самом месте и поставив вёсла в сарай, мы двинулись дальше. И никто из мужиков даже и слова не сказал: «Было бы неплохо поблагодарить хозяина лодки за перевоз и оставить денежку на видном месте!»

Через некоторое время повторилась та же история с той же картиной – с водной преградой. И я снова по-

плыл за лодкой и снова перевёз этих неблагодарных попутчиков на, опять же, как говорил городской, ворованной мной (на полчаса) лодке. И снова никто из пассажиров, перевезённых мной через водную преграду, не заплатил хозяину лодки ни копейки! Но о том, что я вор, городской больше не говорил ни слова. Было уже около трёх часов дня, когда мои попутчики захотели перекусить и немного отдохнуть. Деревенский развязал свой мешок и достал холщовую тряпицу, в которой была его еда. Городской открыл свой фибровый чемодан, и там я увидел огромный рыбный пирог, который занимал весь объём чемодана. Передо мной вдруг вспыхнула картина, как мама из печки вынимает такой же рыбный пирог и ставит его на стол, а на столе ещё лежат шанежки, ватрушки, пончики... Я тут же отвернулся от своих попутчиков и, чтобы не мешать им и не смущать себя едой, отошёл в сторонку и прилёг на согретую солнцем полянку и начал немного дремать. Покушав и отдохнув, мужики тронули меня за плечо и сказали:

– Хватит спать-то, пацан! Давай поднимайся и пошли! До железки-то ещё шагать и шагать, а солнце уже перевалило на вторую половину дня!

Я покорно поднялся и пошёл вслед за своими попутчиками – на железку... Да! Они знают дорогу, а мне предстоит её преодолевать!

А я вовсе и не спал! Лежал на спине, смотрел в небо и думал о том, что вот нас трое! Трое мужчин, а мы совсем чужие

друг другу люди. И у нас даже нет никакого общего разговора. Даже словом между собой никто не обмолвился и даже не познакомились, не поинтересовались, кто есть кто! Кого как зовут?! Да! Совсем-совсем чужие люди! И так мы снова тронулись в путь.

На железнодорожную станцию мы пришли к десяти часам вечера. Поезд уже стоял на заправке. Городской обратился ко мне с вопросом, есть у меня деньги на дорогу для покупки билета. Я с гордостью и достоинством ответил, что да! У меня есть деньги на проезд – целых пять рублей, и отдал их городскому, чтобы он смог и для меня купить билет до Перми. Городской, взяв мои денежки, с важным видом ушёл на вокзал и купил, как мне показалось, билеты на всех троих. Вскоре к платформе подошёл поезд, и мы втроём уселись на одной лавке. Паровоз дважды прогремел «ту-ту-ту», толкнул вагоны, и мы плавно поехали в Пермь. Я сидел между дядьками, и моя душа успокоилась – я еду домой... Деревенский развязал свой мешок и протянул мне одну картофелину со словами:

– На! Вот! Малой! Пожуй немножко! Ты ведь сегодня ничего не ел. Хотя бы картофелинкой червячок-то замори!..

Я вытер картофелину о рубаху и только начал её грызть, как появились контролеры. Я спокойно сижу и жую картофелину, ничего не подозревая – ведь городской купил мне билет! Но городской вдруг всполошился и быстро начал меня заталкивать под лавку. Я начал сопротивляться, говоря, что

у меня ведь есть билет, но городской был неумолим и приговаривал, что моих денег было очень мало и что за эти деньги я уже достаточно проехал, и теперь я как бы являюсь безбилетником.

На шум поспешили ревизоры и начали выяснять, кто такие и куда путь держите...

Деревенский взял билет у городского и предъявил его ревизорам...

– Да! Вот, пожалуйста, едем в Пермь!

Тут и городской тоже предъявил свой билет до Перми, но ничего не сказал ревизорам про мой билет!

Ревизоры, проверяя билеты, обратили внимание на какой-то предмет, торчащий из-под лавки. Деревенский ответил, что это его мешок с картошкой... Ревизоры наклонились пониже и увидели меня лежащим за мешком с картошкой. Вытащили меня из-под лавки и начали спрашивать билет, а я начал объяснять, что мой билет у городского дяденьки, а городской начал говорить, что я их знакомый... Что, мол, денег у мальчишки нет, что я ещё маленький...

Одним словом, после переговоров городского и деревенского с контролёрами в отношении меня и моего бесплатного проезда в поезде до города Перми под надзором моих попутчиков – контролёры оставили меня в покое, разрешив мне сидеть на лавке, как настоящему пассажиру, и удалились дальше проверять билеты... Да! Всё обошлось хорошо, кроме моего понимания, что городской даже и не думал поку-

пять мне билет за мои же деньги – пять рублей, отданные ему на оплату проезда. Но они (мои попутчики) отстояли меня у контролёров, и я благополучно прибыл в свой родной город – Пермь. Да! Я приехал домой! Расстояние от станции «Пермь вторая» («Пермь II») до моего дома было всего два с половиной километра, но я их не прошёл, а преодолевал! И преодолевал целых два часа. Да, да! Я эти километры преодолевал, будучи голодным, расстроенным из-за непредвиденных обстоятельств и находясь в неприятной мне среде, особенно с этим городским в галстук!

На душе у меня было как-то неуютно и настолько при-скорбно, что я не понимал, что это за люди, с которыми мне пришлось повстречаться.

Поведение городского было для меня очень оскорбительным... По всему (внешне) он был более интеллигентным человеком, чем деревенский, а по поведению и по сути – самый настоящий циничный обманщик и шпанёнок, хотя и был взрослым человеком около сорока лет и хорошо одетым, да ещё и при галстук!

Дома меня с недоумением встретили мой младший брат Николай и старшая сестра Зинаида.

Я, уставший, голодный, еле-еле переступив через порог, тут же сел на него. Зина, старше меня на целых шесть лет, увидев меня дома, да ещё в таком неприглядном, помятом и угрюмом виде, всплеснула обеими руками и спросила:

– Боренька! Братик мой! Что случилось-то?

Ведь мама уехала к тебе в деревню! Ты, наверное, голодный? А мы только что всё съели...

Услышав слова Зиночки, что «всё съели», из моих уставших глаз покатались слёзки... Нет! Я не плакал! Слёзы мои капали сами по себе... И от усталости и от всего того, что только что пришлось пережить и прочувствовать и что-то понять в этой непростой жизни... Но главное – я дома, и здесь моя родня, и защита, и опора, и поддержка!.. Это были и слёзки радости, и что я дома, и слёзы какой-то безысходности! Сестрёнка, поняв, что она сказала что-то не то, быстро засуетилась и начала меня приободрять, приговаривая:

– Да ты, Боренька, не беспокойся! – захлопотала сестрёнка. – Я сейчас же сварю кисель, и тебе станет получше, повеселее, и на душе будет потеплее!

Кипяток ещё не остыл, и Зинаида навела мне киселя. Сестрёнка моя суетилась, старалась меня подбодрить, утешить. Целовала меня, прижимала к своей груди и всё приговаривала и приговаривала:

– Боренька! Ты не плачь! Всё будет хорошо!

Да! Вот такая у меня была моя старшая сестра Зинаида! Такая участливая, заботливая, нежная, любящая, хлопотливая!

Моя мама, как и обещала мне, приехала к своей родной маме (моей бабушке Петровне) в деревню Першино. Вбежа-

ла в свой родной двор и с распростёртыми объятиями бросилась обнимать и целовать свою маму Валентину Петровну и показывать, что она привезла в качестве подарков и гостинцев, а сама глазами ищет, ищет и никак не может понять, а где же её сынок Борис?! А оказывается, что сыночка-то её и нет! Нет ни в доме матери, ни в доме бабушки... Её родная мама отправила своего внука обратно в город Пермь – за хлебом... Валентина Петровна не поверила ни словам внука, ни словам своей родной дочери, которая обещала приехать в выходной день её навестить и привезти хлеба. Моя мама очень расстроилась поведением своей мамы и поехала в город Оханск к своим родственникам, чтобы нанять лодку и попытаться разыскать меня... Мамины родственники быстро собрались, арендовали лодку и на лодке приехали в Таборы и начали всех в округе расспрашивать, не видел ли кто-нибудь мальчика, описывая мою внешность.

Но тут, услышав расспросы обо мне, к пристани прибежала Валентина – мамина подружка и, увидев маму, всё ей рассказала и про меня, и про пароходы, проходящие изо дня в день всё мимо и мимо из-за низкой воды, и сказала, что я в воскресенье рано утром вместе с двумя мужиками ушёл на железнодорожный вокзал – на железку, чтобы оттуда добраться до города Перми...

Мама очень обиделась на свою маму, мою бабушку, за такое её отношение к своему внуку и её недоверие к словам внука, что мама в выходные приедет в Першино и привезёт

не только хлеба, но и ещё что-то вкусненькое и какие-то подарки для бабушки... Но у бабушки были свои мысли насчёт непрощенных гостей, и она даже и не обрадовалась подаркам, которые моя мама привезла своей маме, моей бабушке, Валентине Петровне! Бабушка жила своими делами и не хотела, чтобы кто-то ещё знал про её намерения в отношении торговли молочными продуктами и про барыш, который она получала от переработки молока и продажи сливок и сметаны в городе Оханске.

С тех пор мы больше к бабушке Вале в её деревню Першино не приезжали никогда.

Да! Вот так бывает иногда в жизни... Родная бабушка, занятая своим промыслом по сепарации молока и продавая сливки и сметану на сторону, выставляет своего внука, сына своей собственной единственной дочери, из своего родного дома, по сути дела, в неизвестность, а мамина подружка Валентина, случайно встретившая её сына, приняла его как своего собственного родного сына и дарит ему и свою любовь, и теплоту, и ласку, и заботу, и внимание, не требуя взамен ничего!..

Удивительные метаморфозы случаются с людьми... Вероятно, мой приезд нарушил все коммерческие планы моей бабушки Петровны...

Как я уже говорил, у бабушки Валентины был свой собственный сепаратор для переработки молока. Во всей деревне не было ни у кого такого агрегата. И все деревенские ба-

бы, у кого были излишки молока, приходили к Петровне для переработки молока в сливки и сметану. Получив сметану и сливки, бабы несли на рынок... Этот сепаратор Валентина Петровна никому не позволяла крутить и всё делала сама. Иной раз даже целая очередь собиралась на переработку молока, но бабушка Петровна всё равно никого не подпускала к своему любимому аппарату!

Петровна то и дело крутила и крутила свой сепаратор. Я однажды предложил бабушке свою помощь, чтобы я крутил сепаратор, а бабушка могла бы заняться каким-нибудь другим делом! Но бабушка была настроена очень категорично:

– Ещё сломаешь – и что тогда делать будем? Без куса хлеба останемся! Это ведь аппарат настоящий! Ишь, крутить он будет! Это тебе не палкой по забору щёлкать! Давай-ка лучше в лес иди или на поле! Может быть, что-нибудь к обеду и принесёшь!

Я, конечно же, так и делал. И в лес ходил, и в поле, и всегда что-то приносил, и не только к обеду. Но бабушка явно хотела избавиться от моего присутствия и отправила меня в город за хлебом, несмотря на мои твёрдые убеждения, что скоро приедет мама и привезёт и хлеба, и что-нибудь к хлебу. Я понимал, что мешаю бабушке в её бизнесе, а бабушка, вероятно, не хотела, чтобы я знал об этом. Я же мог бы быть её помощником! Я же был уже большой, хотя и маленького роста! Мне ведь было уже полных восемь лет. Я хорошо владел и пилой, и топором. Мог приготовить дрова для

русской печи, натаскать воды и в кадки, и в вёдра. И даже истопить печь, начистить и отварить в чугушке картошку. Нарубить сечкой или нарезать ножом пестики. Приготовить яичницу (смесь молока с яйцами) или залить этой смесью приготовленные (нарубленные) пестики и поджарить на сковороде в русской печи. Но моя бабушка в это время просто не хотела моего присутствия в её доме! Вот этим и объясняется её поведение! Бабушка хотела избавиться от моего присутствия! Вот и избавилась! Дав мне на дорогу три лепёшки и пять рублей на проезд! «А про твою маму я и ничего слушать не хочу!» Конечно же, если бы на моём месте был Анатолий (мой старший брат), было бы совсем другое дело... Они бы вместе открыли мелкооптовое предприятие по производству и сбыту молока и молочных продуктов типа масла, сметаны, сливок, творога. И, конечно же, изысканной продукции типа йогурта: творожок с малиной, творожок с земляникой, творожок с чёрной смородиной, с крыжовником, с шиповником и другими ягодами.

О Гороховых ведь не зря говорили, что были зажиточными. А на самом-то деле они были просто предприимчивыми. Накопили денежки – купили сепаратор и монополизировали производство сметаны и сливок в деревне Першино! Все крестьяне идут во двор Гороховых – помогите произвести сметану, сливки!

А Гороховы – пожалуйста! Приносите свои бидоны с молоком и посуду под сметану и сливки. Через час приходите –

всё будет готово! А расчёт за переработку натурой – десяти-на или денежками...

По этой-то причине и не хотела бабушка, чтобы были ещё чьи-то уши и глаза, а то ведь разболтают всему свету, чем тут бабушка занимается! Ещё нагрянут тут какие-нибудь недоброжелатели. Да ведь ещё и могут всё реквизируют! Нет, нет! Нам тут чужих не надо! Я ведь на свои денежки купила этот сепаратор! А что я буду делать с этим аппаратом – так это уже моё личное дело! Да! Да! Это моё дело! У других нет сепаратора! Так почему бы мне им не помочь?! Я же им делаю доброе дело! Сепарирую за десятину их молоко и передаю им сливки и сметану! А что я делаю с полученной десятиной, так это никого не касается! Это моя десятина! Честно заработанная, и я никому ничего плохого не делаю! Я-то ведь только помогаю людям! А где я купила этот сепаратор? Так нашлись добрые люди! Подказали! Спасибо им за помощь! И ведь всё не бесплатно! А сколько времени я потратила! То туда надо съездить, то сюда надо... И опять же за дорогу надо заплатить! Никто ведь даром-то тебя не повезёт! Везде нужны денежки! А где их взять-то! Вот и приходится крутиться, вертеться! Дело-то ведь требует и времени, и внимания, и денежки! А куда без денег-то? А вот и выходит, что некуда!

Валентина Петровна всю свою жизнь прожила со своим скрытным мужем. Она много раз замечала, что её муж Андрей, продавая тот или иной продукт, не всегда был раз-

говорчив и открыт ни со своей женой, ни со своим единственным сыном – верным ему помощником по всем его делам, но только не по части получения доходов, которые отец очень тщательно скрывал как от своей жены, так и от своего родного сына. Однажды Валентина Петровна заметила, что её муж часть денег куда-то складывает, но найти это место (тайник) никак не могла. За долгие годы совместной жизни с таким замкнутым мужем и сама Валентина Петровна стала скрытной и приучила себя быть неразговорчивой и какой-то таинственной не только по части получения дохода, но и скрытности получения этого дохода! Скрытничая, Валентина превратилась в скрытного зверька наподобие лисицы. Лови момент! Где чего не хватает! Быстренько проверить своё дело! И в норку! И снова ищет момент! Исполняет его и снова в норку, в норку и никому ни единого слова!

Татьяна Васильевна Нечаева

Жена Геннадия Дмитриевича Нечаева, моего дяди (родной брат моего отца), присутствовала при моём крещении и выступала в роли моей крёстной матери. Тётя Таня и дядя Геннадий жили в городе Краснокамске Пермской области. Дядя Геннадий работал начальником пожарной команды, а тётя Таня всю свою сознательную жизнь проработала Главным бухгалтером на швейной фабрике, и она взяла надо мной шефство по части обеспечения меня верхней одеждой. Моя крёстная мама частенько приглашала меня к себе на работу и, демонстрируя меня всем своим друзьям и подругам, приговаривала:

– А вот это мой крестник! Девчонки! А что у нас наиболее модное-то есть на сегодняшний день?..

И женщины (девчонки) начинали наперебой предлагать разные брючки, рубашки, курточки... Подобрал для меня общим советом то или иное изделие, женщины приглашали меня в примерочную мастера, который снимал с меня мерку, и через несколько дней меня уже приглашали на первую примерку, а затем и на примерку уже готового изделия. Тётя Таня обновляла мой гардероб каждый год. И, конечно же, я выглядел лучше всех среди моих однокашников, однокурсников и друзей.

С тётей Таней мы дружили до самых её последних дней.

В день её девяностолетия я приехал к ней в гости, и мы, как закадычные добрые друзья, долго-долго болтали, вспоминая и довоенные годы, и военное время, и послевоенные... Вспоминали и про тяжёлые барачные годы, и про холод, и про голод... И как страна поднималась после разрушительной и опустошительной войны с этой чёртовой фашисткой Германией, а потом и внутри страны с различной сволочью, с паразитами разной масти... Да! Было нелегко! Но мы справились и быстро стали наращивать промышленное производство, поднимать сельское хозяйство! Да! И ещё раз скажу да! Было нелегко! Но мы выдюжили и начали строить настоящий социализм в нашем понимании!

– Ой, Боря, как хорошо мы с тобой поговорили! А давай-ка мы с тобой, как в старину, приготовим пельмени, да и по чарочке опрокинем! Ты давай-ка сейчас сходи на рынок и купи самого хорошего мяса: полкило говядины, свинины – тоже полкило, полкило репчатого лука, чёрного перца, сметаны, чёрного хлеба и хорошей водочки бутылочку, а я пока приготовлю тесто для пельменей. Только давай мы сперва с тобой вдвоём посидим! Выпьем, горячими пельмешками закусим, как бывало, и поговорим ещё. У нас ведь был длинный-предлинный жизненный путь! А потом уже после нашей беседы и девок пригласим! (А девки-то кто? Семидесятилетняя дочь Роза и пятидесятилетняя внучка Эльвира.)

И мы вдвоём с моей крёстной мамой настряпали целых два поддона пельменей. Я рассказывал своей крёстной маме,

как я работал на крайнем Севере, про таёжную Минусинскую котловину, про Тагарку, про Хакасию. И, конечно же, рассказывая, я показывал фотографии, как я выглядел в подаренном ею (сшитом) костюме, который долгое время служил мне верой и правдой вплоть до армейской жизни! Конечно же, я рассказывал моей крёстной и про армейские будни, и про институт, и про целину, и про женитьбу, и про своих детей и друзей... И вот мы вдвоём сидим, как закадычные друзья! Пьём водочку и закусываем пельменями... И говорим, и говорим, и никак наговориться-то не можем!

Крёстная же рассказывала мне про свою дочь Розу, про её мужа, про Ташкент. Как она воспитывала внучку Эльвиру и про её уже детей...

Мы с ней так долго просидели и проболтали, глядя друг на друга, что даже и забыли и про Розу, и про Эльвиру, которых надо было уже давно пригласить к нашему столу и продолжить совместный ужин и семейный разговор...

Вот такая у нас с моей крёстной мамой была дружба и любовь в течение долгой нашей жизни!

Здесь надо немного вернуться в довоенные годы и рассказать, как образовалась семья Нечаевых из союза тёти Тани и дяди Гены.

Когда разорили хутор нечаевский, дядя Гена сбежал куда-то очень далеко и начал свою новую жизнь, обустроившись разнорабочим в железнодорожном рабочем посёл-

ке – будущем городе Краснокамске. Там он и познакомился со своей будущей женой Татьяной. Жили они в легко продаваемом бараке, и у них всегда было холодно. Даже летом у них было прохладно. В 1932 году у них родилась дочь Роза. Рабочий посёлок постепенно начал разрастаться и постепенно превратился в самый настоящий город Краснокамск. Градообразующим предприятием стал знаменитый Краснокамский целлюлозно-бумажный комбинат. Во время Великой Отечественной войны на территории Краснокамска геологами были обнаружены нефтяные залежи, и город начал ещё быстрее расти и развиваться. Были построены большие кирпичные здания, швейная фабрика, кинотеатры, парки... Семья Нечаевых (Геннадий, Татьяна и их дочь Роза) переехала жить в просторную двухкомнатную квартиру с большой прихожей и с балконом большого (я бы даже сказал, огромного) многоквартирного дома. Дядя Геннадий Дмитриевич закончил военное училище и получил звание лейтенанта. Впоследствии его назначили начальником пожарной части города Краснокамска, и он в этой должности (начальника) прослужил там до конца своей жизни.

С их дочерью Розой в 1942 году случилось несчастье: она пыталась вскочить на подножку уходящего поезда и, не удержавшись за поручень, соскользнула с подножки пассажирского вагона и попала прямо под колесо следующего вагона. Кондуктор вагона тут же остановил поезд, но уже было поздно. Колесо вагона напрочь отрезало Розе ступню левой но-

ги. Розе была тут же оказана медицинская помощь, но в то военное время не было ещё практики пришивания части отрезанной ноги, и Роза осталась инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Всё спешим, спешим, а куда спешим-то?! Бить непрошенных фашистов, ступивших на нашу родную землю своим вонючим сапогом?! Но фашисты-то там, на фронте, а здесь надо думать, как помочь нашим солдатам извести этих непрошенных мерзавцев и прогнать их с нашей священной земли!

Но несмотря на такое увечье, Роза успешно закончила среднюю школу и поступила на курсы швей-мотористки и, получив квалификацию «мастер швейного дела», стала настоящим модельером по пошиву женской и мужской верхней одежды. Потом, став мастером-модельером, Роза уехала в хлебный город Ташкент. Там она нашла своё широкое признание и, как говорится, спела свою соловьиную песнь! Организовала «Ателье модного пошива» и стала узнаваемой и уважаемой мастерицей высшего класса! У неё был явно выраженный талант по пошиву модной одежды, и она имела успех и уважение среди модниц не только Ташкента, но и других близлежащих городов и крупных посёлков... У Розы появились ученицы и ученики. Роза наслаждалась и в прямом смысле слова купалась в признании её успеха и таланта...

Роза успешно вышла замуж, родила дочь Эльвиру. В Ташкенте у них был свой частный кирпичный дом с садом, где

рос виноград, абрикосы, персики и инжир. Жизнь у Розы была прекрасно обустроена, и она, изучив и освоив различные способы вышивания, добавила к своей профессии мастера-модельера и признание мастера по части вышивания.

Познакомиться с мужем своей дочери и домом с садом пожелала и мама Розы – Татьяна Васильевна. Татьяне Васильевне в Ташкенте всё понравилось, и она прожила в гостях у дочки целый год. Но очень жаркое лето было для Татьяны тяжким испытанием, и она вернулась к себе домой в Россию – в город Краснокамск Пермской области.

Мой брат Виктор, узнав о прекрасном житии своей двоюродной сестры Розы, тоже поспешил приехать к Розе в гости. Насытившись сладкими и вкусными ягодами и фруктами, Виктор, как и тётя Таня, тоже решил вернуться к себе домой в город Пермь. В Ташкенте летом было уж очень жарко. Но Ташкент есть Ташкент! И поговорка «Ташкент – город хлебный» всегда звучала загадочно и заманчиво! Да и сейчас, в наше время, эта поговорка («Ташкент – город хлебный») в полной мере соответствует этой замечательной как хлебной поговорке, так и о людях, там живущим!

Инвалидность Розы, полученная в раннем детстве, неизбежно сказывалась и на бытовом житейском уровне, и на нервной системе самой Розы, и, конечно же, в большей мере отражалась на воспитании своей дочери Эльвиры. Бабушка Эльвиры – Татьяна Васильевна, прочувствовав все тяготы и невзгоды, которые тяжёлым бременем ложились

и на её дочь, и на её внучку – Эльвиру. И, Татьяна Васильевна, как хорошо воспитанная и образованная бабушка, приняла единственное правильное решение! Увезти внучку к себе в город Краснокамск и плотно заняться и её воспитанием, и её учёбой. Отъезд и проводы бабушки и внучки – были далеко не из лёгких...

Во-первых, Эльвира родилась в городе Ташкенте, и она приняла существующие климатические условия как свою естественную среду обитания. Она уже привыкла и адаптировалась и к высокой температуре в летнюю пору, и к прохладному климату в зимний короткий период. И естественно, что Эльвира воспринимала ташкентский климат как совершенно нормальное явление. Для Эльвиры все социальные, бытовые ситуации были естественными. Соседи и её подружки по детскому саду и в школе принимали Эльвиру за свою узбечку. И, конечно же, Эльвира не понимала и не хотела понимать, почему это бабушка так настойчиво хотела вывезти свою внучку из этой жары и духоты – куда-то на Север.

Во-вторых, как дочка, Эльвира, естественно, тяготела к своей матери и, несмотря на мамины раздражительные рефлексы, которые возникали время от времени между дочерью и мамой, Эльвира хотела остаться рядом с мамой!

Но как бы то ни было, бабушка привлекла на свою сторону зятя, и они, сговорившись, уговорили Розу и Эльвиру хотя бы на один год переехать в город Краснокамск и там

пожить хотя бы какое-то короткое время. Так и случилось! Бабушка увезла внучку в свой уже родной Краснокамск.

Тётя Таня воспитывала и держала внучку в строгости, как подобает в русских семьях! Бабушка вырастила внучку! Дала ей хорошее светское обучение и качественное финансовое образование. Впоследствии бабушка выдала внучку замуж. И до конца своих дней помогала ей всеми доступными для бабушки способами и методами как в воспитании уже правнуков, так и на бытовом уровне. Она пристально следила за деятельностью и продвижением внучки по работе. А когда Эльвира подарила бабушке двух правнуков, то Татьяна Васильевна немедленно вышла на пенсию и отдала своим правнукам не только внимание и заботу, а взяла на свои плечи и их обучение и воспитание! Как и бабушка, они все пошли по финансовой стезе!

Эльвире тоже нравилось работать главным бухгалтером в своём частном предприятии вместе со своим мужем. А её дети, бабушкины правнуки, – тоже хотят стать финансистами! Дай-то бог!

В последнюю нашу встречу моя крёстная мама Татьяна Васильевна, как бы предчувствуя, что наша встреча последняя, спросила меня:

– Боря, крестник мой, а ты приедешь на мои похороны?

Я начал говорить, что ещё рано говорить об уходе в потусторонний мир, что ещё есть правнуки, которых тоже надо и поддержать добрым словом, лаской, и добрым приме-

ром для них послужить, но моя крёстная мама, положив мне на плечо свою правую руку, остановила мой монолог и, глядя мне прямо в глаза, сказала:

– Постарайся приехать проводить меня в последний путь, если сможешь!

И тут я почувствовал, что моя тётя Таня говорит совершенно серьёзно о своём нелёгком пройденном пути, и в словах её была и мудрость, и неизбежность, и ещё что-то важное, которое нельзя ни высказать словами, ни передать мыслями, но что-то очень дорогое, душевное, тёплое исходило из её души и сердца... Выразить своё отношение к этому миру прекрасному, свою благодарность за хотя и не лёгкую, но плодотворную и продолжительную жизнь, отданную своим близким и родным! А, в общем-то, и за великую, огромную нашу страну – Страну Советов, страну, полную сил, неиссякаемой энергии и всевозбуждающего энтузиазма!

Телеграмму о смерти моей Крёстной мамы я получил с большой задержкой и тут же умчался в аэропорт, но погода была совершенно не лётная, и тогда я бросился на Курский ж\д вокзал и уехал с первым же скорым поездом в город Пермь. А уже из Перми – в город Краснокамск.

В квартире тёти Тани я оказался только тогда, когда люди, провожающие Татьяну Васильевну Нечаеву в последний путь, вернулись уже с кладбища и сели за стол, чтобы помянуть усопшую Маму, Бабушку, Прабабушку и просто Тё-

тию – спокойным, добрым, тёплым, нежным и любящим словом и выразить ей свою благодарность за всё то хорошее, чем Татьяна Васильевна одарила всех своих близких и родных!

Да! Я приехал, к сожалению, уже только на поминки моей крёстной мамы, но на следующее же утро мы вместе с Эльвирой (внучкой), Зиной (моей сестрой), Володей (сыном Зинаиды) и Виктором (моим братом) посетили свежую могилку тёти Тани на загородном Краснокамском кладбище. Она ушла от нас в неведомый нами мир на девяносто втором году своей славной, замечательной жизни и была с почестями и глубоким уважением похоронена на Краснокамском кладбище. Мир её праху! Моя милая, заботливая крёстная мама останется в моей памяти до конца дней моей жизни! Пусть земля ей будет пухом! Мир и царствие ей небесное!

Анатолий Николаевич

Анатолий, 1931 г.р., мой старший брат, всегда был моей силовой опорой в школьные годы. Несмотря на нашу разницу в возрасте – всего три года, он был выше меня ростом на целую голову. У него были тёмные выющиеся волосы, и он был одет всегда как франт. Его детская мечта была – стать капитаном дальнего плавания.

Я не знаю, откуда он достал такую прекрасную детскую капитанскую форму, но он с этой формой капитана почти никогда не расставался и ходил в этом чёрном френче с блестящими латунными пуговицами с якорями в один длинный ряд посередине – щёголем. Анатолий – а все местные ребяташки и даже едва знакомые ребята почему-то называли его «Анато́ль», – Анатолий всегда ходил в хорошо начищенных чёрных ботинках, в чёрных отутюженных, слегка расширенных внизу брюках, которые называются «клёш». Ходил он всегда прямо, словно аршин проглотил, и ничего и никого не боялся! Он всегда был самоуверенным в себе, словно говорил всем: «А может быть, кто-то есть постарше и поумнее меня, так давай выходи – посмотрим, что ты можешь и что ты умеешь...»

А если и кто-то пробовал задираться на меня или оскорбить в его присутствии, то он эти разборки решал очень просто! Подходил вплотную к обидчику или к тому, кто толь-

ко собирался какую-нибудь пакость сотворить или подножку подставить, подносил под его нос свой здоровенный кулак и говорил тихо-тихо, но очень-очень спокойно: «Смотри у меня! Нюхай, чем пахнет – лепёшку из тебя сделаю!»

Мне, невысокому мальчишке, частенько приходилось слышать от шпаны и от прочей нечисти: «Не тронь Бориса, у него старший брат есть – ух сила! Трех заломить может!»

Анатолий никогда не занимался мелочами и сам никогда не любил мелочиться... Ребята – есть ребята! И с ними всегда случаются какие-нибудь разногласия – кто царь горы? Анатолий в таких случаях никогда не лез со своими принципами бросаться в какие-то неведомые ему различные разборки! Он сперва предпочитал обстоятельно ознакомиться с возникшей вдруг ситуацией с какими-то срочными сложностями, которые необходимо было решить во что бы то ни стало – в срочном порядке! Взглядом подыскивал какой-нибудь пустой ящичек из-под овощей. Вставал на него, чтобы быть повыше всех и надменно, без крика, но твёрдо и уверенно провозглашал, а вернее, бросал слова в толпу, не обращаясь к кому-либо лично, а именно в толпу:

– А есть ли кто из нас в нашем досточтимом коллективе, кому бы было под силу выполнить это занюханное дело или у нас только одни слабаки и недоумки остались?! И нет ни одного смышлёного?

Конечно же, слыть недоумком или слабаком никто не хотел, и всегда кто-нибудь находился такой, который, сплюнув

на пол, цинично говорил:

– Да тут и делать-то нечего! Раз плюнуть – и все дела в шляпе!

Анатолий тут же подбадривал выскочку:

– Ну! Что я вам говорил!.. Есть ещё в нашем здоровом коллективе мастера своего дела! Как тебя звать-то, Мишка? Нет! Ты у нас не Мишка, а самый настоящий Михаил, как Михайло Ломоносов!.. Сколько тебе людей надо для этого пустякового дела?

– Десятерых!

– Ну, это ты, брат, хватил! Десятерых! Они же только мешать друг другу будут... Это же толчея получится, а не работа... Тут тебе троих за глаза и за уши хватит! А, ребята? Давай выбирай себе помощников... Ты будешь командиром и четвёртым в твоей бригаде...

– Нет! – настаивал Михаил. – Троих маловато будет! – тут же парировал только что вновь назначенный командир. – Хотя бы ещё одного человека надо...

Анатолий высоко поднимал голову над собравшимися и демократично провозглашал:

– Ну что, ребята? Дадим ему ещё одного человека?

В ответ кричали: «Да! Да! Надо дать!»

– Ну, раз народ единогласно говорит, что надо дать, так, значит – надо!

И Анатолий, никем не избранный и никем не уполномоченный, отправлял на работу целую бригаду, как самый на-

стоящий НАЧАЛЬНИК.

Так он и шёл по всей своей жизни, изображая из себя мудрого, демократичного руководителя, не имея на это никаких ни прав, ни полномочий... Но имея прекрасный вид, статность и достоинство, всегда выходил из любой ситуации, как говорится, на белом коне!

Однажды Анатолий продемонстрировал мне, как он превращается в «знатока» по гуталинам по части чистки не только сапог, но и другой модной обуви – полуботинок и даже штиблет...

На городском рынке, где в основном продавали только чёрный гуталин для чистки сапог и ботинок, Анатолий брал у продавца баночку гуталина в руки и, открывая её, начинал говорить очень громко, чтобы слышал не только сам продавец гуталина, но и окружающие люди:

– Вот смотрите, уважаемые граждане, чем нынче торгуют на рынке! Смотрите повнимательнее, какое качество этого гуталина! Это же не гуталин, а какая-то мешанина грубого помола... Здесь даже невооружённым глазом видно, что присутствуют какие-то посторонние примеси! Катышки какие-то... А для того, чтобы увидеть всю эту грязь и посторонние предметы, надо посмотреть на этот гуталин сбоку... посмотрите, посмотрите! Этот так называемый гуталин даже совсем и не блестит! А на кой чёрт нам покупать такой гуталин?!

«А где же нам брать хороший-то гуталин?» – возмущалась

толпа.

– Да, у тех же, кто понимает в этом толк, у чистильщиков, конечно же! Ну, например, у Петрухи, который сидит при входе на рынок! У этого чистильщика не только качественный гуталин, да он ещё и значительно дешевле, чем здесь, на этом распрекрасном рынке!

Вот так Анатолий и себя демонстрировал как знатока, да и своему дружку Петрухе помогал, обеспечивая его покупателями.

Оставив продавца гуталина в раздумье, мы отправились с братом к его хорошо знакомому чистильщику сапог и ботинок Петрухе. Анатолий хотел показать мне, чтобы я убедился и посмотрел воочию, каким гуталином пользуется его знакомый чистильщик Петруха. Этим достойным уважения чистильщиком оказался молоденький мальчишка около девяти-десяти лет. Он сидел на маленькой скамеечке с двумя щётками в руках, а перед ним стояла деревянная подставка для обуви со специальным маленьким помостом, похожим на след ботинка или сапога, на который ставится нога в ботинке или в сапоге... В подставке был маленький ящичек, где хранились: бархотка, крем, щёточка для намазывания крема, особенно на сапоги, которые всегда были грязными, в пыли и в комочках засохшей земли или глины, и ещё были две запасные щётки для чистки элегантной коричневой обуви... Анатолий подошёл к мальчишке, щёлкнул его слегка по затылку и поприветствовал:

– Привет, Петруха! Ну, как? Удачное сегодня у тебя утро? Может, по мороженому...

Петруха открыл ящичек подставки и выдал Анатолию пятак, сказав:

– Ну вот, Анатолий! Пока только так! Вечерком, может быть, что-нибудь будет получше... Рановато ты, Анатолий, пришёл. Сейчас ведь только ещё утро... День только начинается! Так что ты...

– Не дрейфь, Петруха! – прервал его Анатолий. – Это я так!.. А пятак оставь на сдачу! Если кто будет обижать тебя... Ну, ты знаешь, что делать!.. А меня ты знаешь где найти!

– Да, конечно, Анатолий!.. Знаю!

– А это мой брат Борис!

– Ну, он у тебя ещё маленький! Привет, Борис! А ты хочешь научиться чистить ботинки? – спросил меня Петруха. – Я легко могу научить тебя этому не очень-то сложному, но очень нужному и полезному в плане дохода ремеслу!.. В случае крайней нужды всегда можно кусок хлеба заработать, да и не только...

У меня промелькнула мысль...

– Да я и сам уже чищу и сапоги, и ботинки...

Но тут, прервав монолог своего Петрухи, вмешался Анатолий:

– Да нет, Петруха! Борис уже может не только почистить сапоги или ботинки. Он может уже и починить и сапоги, и ботинки, и даже валенки... Он многое что умеет! Ты

не смотри на него, что он ростом поменьше тебя! Он тоже такой же башковитый! Недавно он бабушке Петровне, соседке нашей, часы с кукушкой отремонтировал! Ты вот что, Петруша! Ты лучше скажи нам, как это ты так научился чистить сапоги, что они у тебя всегда блестят так, как ни у какого другого чистильщика?! В чём секрет твоего мастерства, блеска и лоска? У тебя в роду-то были предки чистильщиками? Или ты, как и Борис, всё своей головой додумываешься?

– Анатолий! Да ты что? Хочешь жить – умей вертеться! Я же тоже ещё маленький! Где я ещё могу работу найти?! А чистильщики в любом городе нужны. У меня мамка одна, а отец на фронт ушёл. Под Москвой сражается с фашистами.

– У тебя, ты говорил, что ещё сестрёнка есть?

– Да! Есть, но она ещё совсем малая!

– А у тебя мамка-то где работает?

– На нашей местной швейной фабрике. Они там шьют верхнюю одежду и в основном для наших солдат и офицеров! Работают в три смены.

– Петруха! Ну ты не сомневайся! Я тебя всегда поддержу! Ты настоящий помощник маме! Ну, давай расскажи про крем-то.

– Да тут нет ничего сложного... Я в крем обычно добавляю немного растворённого сахара... А сейчас с сахаром-то, сам понимаешь, туговато! Так я немного сахаринчику в гуталин добавляю. И очень хорошо размешиваю. А лучше всего дома на плите подогреть, а потом быстро-быстро разме-

шать надо! Вот и весь секрет! А перед тем как бархоточкой пройтись по сапогам или ботиночкам, так я мелко-мелко плюю на щёточки и наношу лёгонький-лёгонький слой слюны, а затем хорошо и быстро растираю бархоткой. Это всё равно что лакирнуть слегка перед завершением своего дела! Это и хозяину сапог приятно, и мне тоже приятно – побольше за качественное обслуживание получить! Анатолий! В любом, даже маломальском деле, всегда есть тонкости, изюминка, – напутствовал Петруха, этот маленький чистильщик сапог и ботиночек... – В этом заключается и моё мастерство, да и любого другого ремесленника... Овладеть ремеслом – не так уж и сложно, а вот стать мастером... Это уже совсем другое дело!..

Философия этого маленького мудреца, с одной

Стороны, удивила меня, а с другой – приятно было видеть, как маленький чистильщик помогает своей маме, да и сестрѐнке тоже!

– Вот видишь, Борис! Учись! – напутствовал мне мой старший брат Анатолий.

И вот таким он был в любом деле – добрым, добродушным, покровителем для малолетних и не по годам мудрым человеком! Он всем рассказывал, что учиться очень и даже очень полезно, и только тогда, когда получишь знания, только тогда можно достичь каких-то высот. Но сам Анатолий, к моему сожалению, не был ни примером для мастерства, ни настав-

ником для ремесленничества, ни в какой-либо учёбе, чтобы достичь каких-то невысказанных высот. Он как бы был выше той рутинной обыденной нашей жизни и всё время пытался демонстрировать из себя какого-то Гоголя-покровителя.

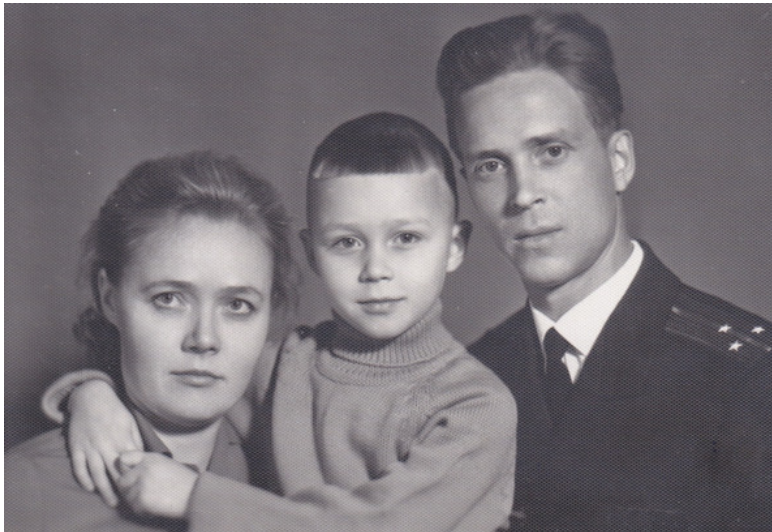
После войны, в конце лета 1945 года, он уехал куда-то вместе со своим дружкой «Япончиком» (нашим местным хулиганом) искать лучшую для себя жизнь и пропал без вести. Он так и не написал своим родным ни одного письма. Прошло уже более семидесяти пяти лет, а я так и ничего не знаю о дальнейшей судьбе моего старшего брата Анатолия Николаевича Нечаева.

Анатолий и меня уговаривал сбежать вместе с ним из родного дома в какие-то неведомые дальние края. Он почему-то считал, что дом – это клетка, которая ограничивает его какую-то свободу. А для меня дом был моим надёжным причалом, моим родным гнёздышком, в котором я всегда найду и уют, и тёплый уголок, и всегда могу получить мудрый и правильный совет. И, конечно же, зная авантюрный характер своего брата, я отказался последовать его примеру – убежать из родного дома. Ну что я буду делать в его компании? Стать его тенью или подбадривать и поддакивать ему, так это мне не нравится! А стать рядом с ним и быть его правой или левой рукой, так и это дело – тоже не моё! Хотя Анатолий и мой брат, но бегать, как говорится, по лесам, по долам – это не моё ремесло! Ранним, уже солнечным тихим августовским утром, в четыре часа, Анатолий разбудил

меня и ещё раз предложил мне покинуть вместе с ним наш дом родной и, получив отказ, подался на какие-то, как он сказал, «юга». Да! Я в очередной раз отказался последовать его примеру, сказав брату, что ботинки чистить или чеботарить – это мной уже пройденное ремесло! Я лучше останусь дома и буду учиться, как напутствовал мне мой отец Нечаев Николай Дмитриевич, советник финансовой службы Министерства финансов РСФСР, куратор по финансовой части Пермской области!

Николай Николаевич

Николай Николаевич Нечаев, мой брат, родился в 1937 году, 26 апреля, спустя три года после моего рождения. Ему всегда нравилась военная форма, и он посвятил всю свою сознательную жизнь службе в рядах Армии Союза Советских Социалистических Республик! Николай, получив среднее образование, поступил в Пермское мореходное училище, а затем был направлен служить в регион Чёрного моря – в город Евпатория. Мне всегда нравилось Чёрное море, и на берегах его я частенько бывал. А тут и мой брат вдруг оказался на самом берегу этого прекрасного Чёрного моря! Да ещё и в Евпатории, где песчаные пляжи и очень приятное место для купания, особенно для ребятишек! И у меня, конечно же, появилось острое желание навестить своего брата Николая в Евпатории, и, как ни странно, мне это удалось!

Мой брат Николай Николаевич со своей семьёй – Галиной и сыном Александром

К брату в гости мы отправились вместе с моей будущей женой Наташей. Регион Чёрного моря, а особенно Крым с его великолепными бухтами и прекрасными здравницами, был обустроен ещё нашими царями! Крым – это прежде всего наш форпост южных рубежей, прежде всего России, ну и, конечно же, Советского Союза! И несмотря на кажущееся спокойствие, в этом регионе все вооружённые силы нашей страны всегда были в полной боевой готовности.

Николай, а я его помню с первых его дней рождения

в красном доме помещика Балатова, был всегда красивым, умненьким мальчишечкой с большими голубыми глазами и вьющимися волосами. И вот теперь – он офицер! И служит на самом берегу Чёрного моря! Коля, как добросовестный и исполнительный офицер Советской армии, постоянно стремился повысить своё воинское образование, мастерство, и его трудолюбие и стремление подняться по служебной лестнице принесли определённые плоды! Николай прошёл отборочную комиссию и, выдержав конкурс, поступил в московскую Академию им. Жуковского, где учился вместе с космонавтом, Героем Советского Союза Германом Титовым – дублёром первого космонавта, Героя Советского Союза Юрия Гагарина!

Итак, Николай поступил учиться в Академию имени Жуковского! Его радости от поступления в Академию не было предела! Сдав конкурсные экзамены, он сразу же бросился искать меня, чтобы отметить такое радостное событие! В это время мы с моей тётшей Марией Петровной были на даче, где готовили грядки для посадки огурцов и редиса и, конечно же, грядки для цветов! А какая женщина не любит цветы?! Мне кажется, что все женщины родились только для того, чтобы всю жизнь купаться в разноцветии цветов и в тонких запахах божественных опьяняющих ароматов. Николай же, зная только то, что «дача» у нас находится в Московской области, где-то под городом Чехов, недалеко от деревни Чепелёво, умудрился нас отыскать в час ночи!

Мы, конечно же, все были обрадованы его такой находчивостью в такой поздний час и его удачей продолжать своё образование в Академии имени Жуковского. Мы мигом накрыли наш садовый стол, чем располагали, и за весёлым разговором осушили бутылочку пятизвёздочного коньяка, которую Николай предусмотрительно прихватил с собой!

После окончания Академии Николая направили служить под Варшаву, в регион стран Варшавского договора. Затем судьба военного офицера, а теперь уже старшего офицерского состава, снова забросила его в регион Чёрного моря – в Ростов-на-Дону. В этом прекрасном городе, выполнив свой воинский долг, Николай Николаевич Нечаев вышел в отставку и, получив двухкомнатную квартиру, остался жить в этом тёплом и уютном городе – в Ростове-на-Дону! Со временем Николай приобрёл (купил) небольшой сад, где он (в основном) и проводит свое свободное время, занимаясь посадкой и выращиванием и овощей, и фруктовых деревьев и, конечно же, цветов. У Николая жизнь, как мне кажется, сложилась благополучно. Он дважды дед! У него есть и внуки, и даже правнучка!

Во время учёбы в Академии им. Жуковского мы с братом часто общались, ездили и ходили друг к другу в гости. И мой брат Николай покровительственно частенько подкидывал мне по червончику на мелкие расходы. Я очень много учился, и были такие времена, когда подаренный червончик приходился как раз кстати! Но теперь это всё уже дале-

ко-далеко позади. Набравшись знаний, я сам начал хорошо зарабатывать и оказывать помощь и своим родителям, и моей драгоценной сестре Зиночке, и другим... У Николая была прекрасная жена Галя, с которой он прожил долгую и счастливую жизнь!

Галочка по специальности была кондитером, и у них дома всегда было полно разных вкусностей! И запах приятных яств всегда наполнял их уютную, гостеприимную квартиру.

Их сын Александр пошёл по стопам отца и теперь уже в звании подполковника работает в том же городе – Ростове-на-Дону. У Саши уже двое детей, и он уже сам стал дедушкой! Саша – Александр Николаевич Нечаев – находчивый и разносторонне развитый парень. Так как сад отца занимает очень маленькую площадь, то Александр придумал сделать в этом саду миниатюрную баню с миниатюрным бассейном-бочкой. И всё это хозяйство выглядит аккуратно и элегантно!

Все члены моей семьи не раз побывали у моего брата Николая, и они всегда нас встречали радушно, приветливо и заботливо. Всем моим ростовчанам – любви! Удачи! А всем молодым я желаю крепкого здоровья и плодотворной любимой работы!

Виктор Николаевич

Виктор, мой младший брат, 1947 г.р., всю свою жизнь посвятил шофёрскому делу. Он родился после войны, когда отец пришёл с фронта.

Папа и мама были уже не очень-то молодыми. И их сын, мой младший брат, был последним ребёнком... Что называется, «поскрёбышем». Правда, после Виктора (через два года) родилась ещё и дочь Екатерина, но она и до года не дотянула – умерла в младенческом возрасте. Виктора все любили – маленький послевоенный человечек... Я присутствовал на его крестинах и стал для него крёстным отцом. Всякий раз когда я приезжал к родителям в гости, то первым делом я водил крестника по магазинам и старался его порадовать какими-нибудь игрушками, конфетами, печеньем... Катал его на велосипеде по окрестностям города Перми... Это был абсолютно скромный мальчишка, и он всегда был рад моему приезду в Пермь.

Однажды, катаясь вдвоём на велосипеде, а в то время в Перми повсюду велись строительные работы, о которых я, естественно, как приезжий, мало знал, об этих повсеместных стройках! И при очередном катании крестника на велосипеде вдруг увидел, что мы летим в какую-то свежерытую траншею... Мгновенно, на лету отбросив велосипед, я схватил своего крестника и крепко-крепко прижал его к себе,

успев повернуться вместе с ним на сто восемьдесят градусов! И мы вместе с крестником плюхнулись в рыхлую землю свежевыврытой траншеи, но уже за её траншеей. Чтоб не испугать ребёнка и мгновенно отвлечь его от пережитого полёта, я начал изображать из себя пострадавшего, приговаривая: «Ой, ой, как мне больно», одновременно подглядывая за ним, за его реакцией от пережитого – не испугался ли он?! Моё притворство сыграло определённую психологическую роль, и я, посмотрев на него, тут же определил, что испуг у него мгновенно прошёл, и он мне с натянутой улыбкой и с каким-то превосходством заявил:

– А мне совсем не было больно! И совсем не было страшно! Мы с тобой упали прямо на песок – ты на землю, а я прямо на тебя!

Я, осмотрев велосипед и, стряхнув с него песок и траншейную глину, медленно покатил своего братика домой...

Виктор, закончив среднюю школу, увлёкся шоферским делом и стал настоящим мастером по ремонту и обслуживанию автомобилей, и этому любимому делу он посвятил всю свою жизнь.

Вскоре Виктор женился на прекрасной стряпухе Людмиле, которая в это время самостоятельно проживала в своей однокомнатной квартире недалеко от нашего родительского дома.

После смерти мамы (Клавдии Андреевны) молодожёны

переехали жить в родительскую двухкомнатную квартиру, а однокомнатную квартиру подарили Людиной маме.

Люда была хорошей хозяйкой и держала Виктора, что называется, в ежовых рукавицах. Виктор после смерти наших родителей как-то потерял себя в своей жизни и частенько начал прикладываться к бутылочке. Но Людмила умела держать своего мужа в рамках приличия, и Виктор слушался своей супруги беспрекословно!

В один из приездов в город Пермь, и навестив тётю Зою, я заметил, что моя любимая тётя чем-то очень-очень озабочена... Оказалось, что тётя Зоя Ширинкина, живя в своей двухкомнатной квартире, очень обеспокоена, что в случае её смерти никто и не узнает, что она уже отошла в другой мир, и некому будет даже похоронить её...

Я успокоил тётю Зою и посоветовал переехать на постоянное место жительства к моему брату-крестнику Виктору, а двухкомнатную квартиру продать... Посоветовавшись с Виктором и Людмилой, мы пришли к другому решению: продать обе двухкомнатные квартиры (родительскую Нечаевых и тёти Зои), а на вырученные деньги купить четырёхкомнатную квартиру, в которой будет тёте Зое предоставлена комната с проживанием на всю оставшуюся жизнь.

Тётя Зоя долго переживала, что теперь она, бывшая хозяйка двухэтажного особняка, а теперь и двухкомнатной квартиры, уже не будет хозяйкой, а будет как приживалка в одной комнате большой четырёхкомнатной квартиры.

Каждый раз приезжая в Пермь, я всегда разговаривал с тётей Зоей, убеждая её, что жизнь переменчива и всегда нужно находить правильный выход из сложившихся ситуаций. Я убеждал тётю, что Виктор – это мой брат! И, получив в подарок двухкомнатную квартиру, он всегда будет помнить об этом и воспринимать как обязанность ухаживать за вами как за самой дорогой и любимой бабушкой.

Но тётя Зоя, несмотря на мои увещевания, говорила:

– Да, Боря! Так-то оно так, но ведь у Виктора есть жена, а я многое повидала на своём веку, это ведь город, а не деревня! В деревне главный – это хозяин. Если он действительно хозяин! А в городе-то – почти всегда хозяйничает жена! А мы ведь с ней почти совсем чужие люди. Я слышала, что её мама жёстко держит под своим каблуком своего мужа... Значит, и жизнь-то их – тоже не сладкие коврижки... Как-то всё наперекосяк у них получается... А там, где нет в семье любви и полного согласия, там и сама любовь не мила. Вот, Боря, какие думки-то у меня...

Да! Тёте Зое было очень нелегко свыкнуться с её новым положением, но ситуация складывалась не в её пользу. Да! Тётя Зоя была красавицей и хозяйкой большого хозяйства купца первой гильдии города Перми и имела много поклонников и ухажёров, а вот и пришло время обыденной житейской простоты. Да! Вот бы написать ей свою книгу о житейской мудрости, но и этого тоже, к сожалению, не случилось. Её время полного здоровья ушло, и приходится мириться

с настоящими, насущными буднями. Но страхи по поводу одиночества постепенно улеглись, и я, каждый раз приезжая в Пермь, разговаривая с тётёй Зоей, убедил её в необходимости объединиться, и она успокаивалась... Виктор и Люда продали обе двухкомнатные квартиры (родительскую и тётёи Зои) и купили хорошую четырёхкомнатную квартиру с большой прихожей, большим коридором-кладовкой и огромной лоджией.

Говорят, что время лечит! И, конечно, это так бывает, и даже очень часто. Примерно так и случилось у тётёи Зои и её новых друзей – Виктора и Людмилы. Во время переезда они как-то пообтёрлись, нашли общий язык и спокойно начали жить втроём в этой шикарной просторной четырёхкомнатной квартире.

Людмила вела себя в новой квартире очень учтиво и внимательно относилась к тётёе Зое. Зою Алексеевну, как бывшую хозяйку больших, широких возможностей, всё это как-то тяготило, и она с трудом привыкала к новой обстановке и к новому, сотворённому не ей порядку. Но тем не менее жизнь продолжается, и её надо прожить!

Новая обстановка и новые взаимоотношения постоянно напрягали тётёю Зою, и мы с ней, когда я имел возможность приехать в Пермь, подолгу и смиренно вели продолжительные разговоры и о её новой жизни в новых условиях, и о той печали, которую Зоя Алексеевна несла в своей душе на протяжении всей своей одинокой незамужней жизни, не ведая

никому, кроме меня. Вероятно, для тёти Зои это был самый тяжкий труд в её продолжительной жизни – постоянно находиться в одиночестве со своими мыслями! Живя рядом с людьми, находясь в вечном одиночестве.

Тётю Зою частенько навещал и её друг Божко Николай Трофимович, который квартировал у тёти Зои в её особняке во время эвакуации из Москвы во время Второй мировой войны – вместе со всей своей большой семьёй (женой Августой Ивановной, сыновьями: Андреем, Николаем, Алексеем и дочерью Натальей). При всяком удобном случае Николай Трофимович присылал тёте Зое подарки и различные сладости, которые она всегда берегла, чтобы угостить дорогих гостей, которые её не забывали и всегда навещали.

Тётя Зоя никогда не ела сладости или другие вкусности в одиночестве! Она всегда угощала этими вкусностями других! Это было её жизненное кредо – сделать приятное другим людям!

Зоя Алексеевна, к сожалению, не вышла замуж, осталась старой девой, и когда разговор заходил о детях, лицо Зои вспыхивало румянцем, радостно светились глаза и она, казалось, не слушает, а впитывает всей своей плотью все детские голоса и рассказы о детях.

Дожила Зоя Алексеевна до восьмидесяти лет и была похоронена на Закамском кладбище. Вскоре умерла и Людмила. А Виктор, имея прекрасную квартиру, дачу, машину, ударился в какой-то глупый запой. Я с удовольствием вспо-

минаю те хорошие времена, когда мы гостевали друг у друга и были хорошими друзьями. Но бесконечное пьянство Виктора разрушило наше естественное единство, и по весне 2020 года, на семьдесят третьем году жизни Виктор покинул этот наш суетливый, а может быть, и кому-то и бренный мир, в котором Виктор, потеряв своё счастье, так и не нашёл покоя для своей души.

Да! Кому-то жизнь – это тяжкое бремя, а для меня – бесконечная благодать с её разноцветностью, многообразием и с её разносторонними формами и с её бесконечным неизведанным содержанием!

Дети мои! Не хулите жизнь свою! Попробуйте понять её! Она вечна! Многообразна! Изучайте её постоянно! На свете нет большей благодати, как жизнь и любовь всех живых и ушедших от нас в другой, неведомый нам, мир! Помните, что МИР всегда прекрасен – с ВАМИ или без вас!

«Пред ним струя – светлей лазури, пред ним луч солнца золотой, а он, наивный, просит бури, как будто в бури есть покой!»

Человек – смертен, Человечество – должно быть бессмертно!

Зинаида Николаевна

Моя старшая сестра Зинаида Николаевна Толстикова (в девичестве – Нечаева), родилась в 1928 году после разрушительной и опустошительной гражданской войны.

Эта белокурая, голубоглазая, с вечно вьющимися русыми волосами – была первой любимицей моих родителей. Первый ребёнок для моих родителей – был настоящим подарком! В течение первых трёх лет Зиночку называли не иначе как – наша «куколка»! Для моих родителей «куколка», с лица которой никогда не сходила улыбка, всегда была и игрушкой, и каким-то волшебным талисманом, притяжением и отрадой моих родителей – Клавдии и Николая!

Это моя старшая сестра Зинаида! Наша Зиночка!

У Зиночки был взгляд действительно ярче майского дня, и она источала какую-то магическую притягивающую силу нежности и любви! Но через три года появился Анатолий, потом ещё через три – Борис, а за ним, опять же через три года – Николай. Зинаида стала первой помощницей мамы. Но её нежный голосок, как и прежде, звучал как колокольчик – звонко, ярко, задорно, весело и игриво... А повзрослев, наша милая Зиночка так начала красиво и задушевно

петь, что проходящие мимо нашего дома люди останавливались и наслаждаясь, упивались звуками её прелестного голоса... Мама, поняв, что у Зиночки от природы очень тонкий слух, начала учить свою дочь петь на два голоса.

О!.. Это была действительно песня! Песня широкая, вольная, протяжная, раздольная, которая так брала всех нас за душу, что слёзы и мурашки охватывали всю нашу кожу и сердце – истинных ценителей народного пения... Зинаида начинала песню тонким, звонким высоким голосом, а мама подхватывала бархатным, сочным сопрано с уханьем, а затем они снова переходили на широкие широко льющимся меццо-сопрано с душевными переливами, как бы рассказывая о своих девичьих чаяниях и непростой женской доли в этой прекрасной, но очень, очень непростой семейной жизни...

К ним подходили молодые и уже зрелые женщины и тихонько подпевали им, а влившись в ритм песни и её душевность – получался импровизированный хор с переливами, и с переборами!.. Заслышав звонкие голоса девчат, к поющим подходили парни и молодые мужья. После такого слияния какой-нибудь весёлый и задорный гармонист, выскакивая в середину, стихийно образовавшегося круга, начинал своей пляской и звуками гармошки всех строить дальше в круг и расширять его всё шире и шире! В образовавшийся широкий круг выбегала бойкая весёлая молодуха и начинала всех заводить в пляс. Вот в такое-то время и начинались главные переплясы и пение частушек.

Молодые девушки, приглядев себе молодого, приглянувшегося парня, начинали играючи подтрунивать над молодым, вежливо, с поклоном приглашая его к выходу в большой круг:

– Ну-ка, ну-ка выходи!

Ну-ка, ну-ка нам спляши!

Коли ловок ты плясать —

Может, сможешь и сыграть?

Растяни свою гармонь —

задушевную нам спой!..

После таких девичьих ласковых и обходительных шуток, да ещё и с лукавым взором, обволакивающим парней, — обязательно находился какой-нибудь молодой, весёлый парень-смельчак со своими, приготовленными им же, частушками и прибаутками. И... Начинались соревнования: кто ярче по-молодецки спляшет или интереснее придумает, да ещё и споёт свои саркастические или юмористические частушки. На этих гуляньях, Зинаида, зная о своих способностях, даже немножко кокетничая, с неизгладимой застенчивой улыбкой на её девичьем, нежном личике и пела, и плясала, и частушки выдавала всем на радость и на смех!

Сколько жито-пережито

Всё как будто – хорошо!

Не сдавайтесь, девчата,

Счастье к нам уже пришло!

Мы и пели, и плясали,
Всё звучало звонко!
Гармонист у нас один,
Он же – наше солнце!

Как ни верти, ни крути,
Видим только – миражи!
Нам прожить бы лет пяток,
Выйти замуж хоть разок!

Кавалеры, кавалеры,
Ваша смелость – невдомёк!
Покрутились, повертелись,
Растворились, как дымок!

И такие шутки, прибаутки сыпались из уст молодёжи, как зерно из рога изобилия. У молодёжи был подъём! Строим новую жизнь! Кто был никем, тот станет всем! Учись, только учись и помогай другому! Ряды свои сомкни и помоги большему! Мы строим мир иной – в коммуне остановка! Труд, мечты, энтузиазм, стройки великие...

А тут вдруг – война! Все помыслы и замыслы перевернула! Вставай Страна огромная! Вставай на смертный бой с нечистой силой чёрною! С проклятою ордой!

И весь народ, как один – встал на защиту своей священ-

ной земли, не взирая ни на возраст, ни на умения, ни на свои знания! Весь Советский народ встал стеной, поднялся на дыбы и, не щадя своего живота, начал бить и крушить фашистскую сволочь! И как мы говорили в детстве (в сороковые годы) – «За Родину, за Сталина, за Машку за свою»! А, Машкой – мы звали нашу кормилицу – козочку, которая давала нам молока. Сколько мы пережили в эти тревожные времена – одному Богу только известно! В прошлые двадцатые, тридцатые и сороковые годы двадцатого века столько событий произошло, пролетело – словно спрессованные события целого столетия. И, как быстро всё меняется в нашей бурлящей жизни...

В 1941 году Гитлер, со всей своей фашисткой сволочью, напал на нашу Страну Советов. Дурак – конечно же! Что ему, как и Наполеону – Европы было мало что ли?! Тоже, так же – рез весёленько, как и Наполеон – попёр на нашу Матушку-Россию! Оба – тупые ублюдки! Что один, то и другой! Это ведь только сумасшедшему может прийти в голову – такая глупая идея! Собрав все государства Европы в один кулак – идти на Советский Союз. Да, ему хотя бы один разок повнимательнее пригляделся, что такое Европа и что собой представляет огромный Советский Союз! В Советском-то Союзе практически любая область больше некоторых европейских государств! Эзотерик гималайский! Дураку сколько не талдычь, всё равно он останется при своём мнении. Своего ума-то нет, а чужого – он не принимает! И вот этот иди-

от, с куриными мозгами, но с петушиным напором, подмяв под себя все государства Европы, – поплёр на просторы нашей необъятной Родины?! А нам что делать-то? Поднять ручки вверх, как другие европейские государства? Нет! Мы хотя и Европа – но, у нас есть свой Устав и свои мозги не подстать – ни Бонапарту, ни самовлюблённому новоиспечённому – Фюреру! Всех в ружьё! Всех на защиту нашей любимой, святой – Родины! И, как сказал Александр Невский —«Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет»! Так и случилось и в очередной раз, когда недоумки бросаются отведать, а что же там за чудеса творятся в этой, Богом помазанной, благодатной земле происходит?! И все народы необъятной нашей Родины, как один человек – вздыбились! Ощетинились! И начали этих непрошенных, не уважающих ни своих подданных, ни своих соседей – бить и бить, как говорится и в хвост и в гриву!

Доблестные мужчины своего молодого государства СССР – ушли на фронт защищать свою – только-что построенную Страну Советов! И моя сестрёночка – Зинаида, как и моя мама – Клавдия Андреевна – ушли работать на завод, который мгновенно превратился в военный завод по производству мин и снарядов для наших доблестных воинов.

А Зиночке-то, моей старшей сестрёночке, в это военное время – было всего-то тринадцать лет, а она уже, как и взрослые – стала к станку, чтобы помочь бить непрошеного людоеда!

– Люди!.. Взрослые!.. Европа бестолковая! Вдумайтесь только, что вы творите! Ребёнок-девочка, в свои тринадцать лет вместе со своей мамой идёт работать на военный завод, чтобы встать на защиту своей Родины. Чтобы бить эту порождённую вами проклятую гадину! И вы – европейские народы считаете себя цивилизованными странами?! Очнитесь! Вы же быстренько поднявшие свои холёные «мужественные» ручки вверх, сдавшись на милость победителя – тут же превратились в самых настоящих холуёв фашиствующего гадёныша!?!... Ваши мысли читаемы легко!.. Гитлер-то всё равно ведь умрёт и вот тогда-то мы и поменяем порядок... Но, фашизм-то ведь может и остаться! А тогда – что?! Ведь ничто не проходит бесследно! А следы фашизма, расовая дискриминация, миллионы загубленных жизней, сжигание людей в газовых камерах – это что?.. Надо забыть?.. Предположить, что ничего не было?!..

Мне было семь лет, когда началась Великая Отечественная война. Да! Да! – Отечественная война... Эта война подняла всё Отечество на защиту первого в мире Социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик! Этим европейцам никогда не было и никогда не будет доступно понятие, что такое Отчизна!.. Они просто близоруки и им недоступно чувство – «Отечество в опасности»! А у нас это чувство – на генетическом уровне. Как говорил мой отец, Николай Дмитриевич, защищая Сталинград: «В такие моменты и зубами можно глотку перегрызть

врагу»! «Зачем пришли»? «Кто их просил своим грязным, вонючим сапогом топтать наши земли»? «Сами решили?.. Ну, так и пеняйте сами на себя»! Что?.. Снова решили собрать фашистскую сволочь и на Москву пойти?.. «Смотрите, дети! Доиграетесь ведь»! Поднимется волна гнева и в вашем государстве!

Да! Во время Великой Отечественной Войны (1941—45 гг.) нам досталась тяжёлая доля... И чтобы как-то облегчить её, наша старшая сестра Зинаида подставила нам своё плечо... Она была нашей опорой и поддержкой всей нашей семьи в эти тяжёлые военные годы. Мы все гордимся нашей замечательной сестрой Зинаидой и низко кланяемся ей за её самопожертвование во имя спасения семьи! Невысокого роста, стройная худенькая, с пышными русыми волосами, с виноватой улыбкой на лице за свою молодость, она источала нежную привлекательность к себе. Её обязательное соучастие, сострадание к своим близким я запомнил на всю жизнь. После войны Зинаида вышла замуж за фронтовика Толстикова Василия Петровича и стала Толстиковой по своему мужу. Это была дружная замечательная семья. У них родилась дочь Людмила и два сына: Владимир и Алексей, и я гордился, что у меня появились такие красивые, умные и работающие племяши! Людмиле очень нравилось готовить к столу, стряпать и она пошла учиться в Пермский кулинарный техникум. Это было её призвание, и она своё предназначение – выполнила в полном объёме. В её доме всегда вкусно

пахло, и все друзья и родные приходили к ней, как на праздник! Сын Зинаиды – Владимир Васильевич Толстиков пошёл по военному ведомству и достиг высокого положения в финансовой области, как и его дедушка финансист – Николай Дмитриевич Нечаев. который верой и правдой честно служил своему Отечеству.

В городе Перми Владимир Васильевич отыскал себе прекрасную, красивую невесту Марину. Обворожил её и они, поженившись – создали прекрасный семейный союз! Счастливый Союз оказался плодовитым и они, в полном согласии друг с другом, родили двоих сыновей. Хорошие семейные традиции продолжились и в их замечательных детях и теперь Володя и Марина сами стали – Дедушкой и Бабушкой. Алексей Васильевич Толстиков – младший сын Василия и Зинаиды, тоже создал семью с Натальей, и они подарили себе дочь – Валерию и сына – Никиту. Но воспитать их Алексею так и не удалось – Алексей рано ушёл из жизни.

В один из моих приездов в родительский дом, я заметил около подъезда моих родителей красивую, синеглазую девушку. Увидев такую стройную красоту, я с радостью подумал: «Какая замечательная девушка!» Откуда она здесь взялась, появилась? Я таких красивых на нашей улице раньше не видел... Вот такую бы скромненькую, стройненькую, да к нам бы в нашу семью... Ну, например, невестой к нашему умненькому молоденькому Володе... Ох! И детки бы были у них замечательные – и нам на радость и остальным –

на хороший, душевный Погляд! О! А тут и появился Володя – наш любимый племянник! Владимир, в хорошем настроении, подходит к приглянувшейся мне девушке, берёт её за руку и, повернувшись к нам, – говорит.

– Дядя, Боря! Познакомься, пожалуйста, с моей девушкой! Это моя красавица – Марина! Мы собираемся пожениться в скором времени, так что прошу Вас любить и жаловать мою будущую жену! К этому моменту из подъезда вышли мои дорогие и любимые Папа и Мама. Мы расцеловались, обнялись и весёлой компанией пошли отмечать нашу общую встречу родственников и дорогих близких нам людей!

Гуляли, что называется, – «от души»! Было очень весело, звучала приятная музыка, ласкающая душу, и мы даже немного танцевали. Марина вела себя очень сдержанно и, как мне показалось, немного скованно! Она была впервые в нашей компании и, вероятно, немного стеснялась. Кушали пироги, шанежки и жаренную курицу – «цыплёнка табака», а наутро, как и всегда по нашей традиции – готовили, варили и кушали наши любимые уральские пельмени... Пельмени, приготовленные собственными руками – это, с одной стороны и традиция, а с другой – и определённая кулинарная школа для будущих молодожёнов. Это самый настоящий открытый, общедоступный урок приготовления быстрого продукта питания. Заранее приготовишь пельмени! Заморозишь их в морозилке и в любой день через десять минут – пожалуй-

ста – готовое блюдо к столу!

Мясо для пельменей всегда покупается свежее в пропорции один к одному (говядина и свинина). Лук репчатый 1 или 2 головки в зависимости от размера. Мясо рубится сечкой до состояния густой сметаны. Соль, перец (чёрный) – по вкусу. Для связки в рубленое мясо добавляется одно, два яйца. Одно – для двух порций (1 порция 12 штук). Владимир Васильевич Толстиков закончил военное училище и стал настоящим финансистом на радость своему деду – Николаю Дмитриевичу Нечаеву. Володя служил на Дальнем Востоке, был во Вьетнаме. И вся его воинская служба была связана с финансовой деятельностью.

В дальнейшем продолжил свою воинскую службу в городе Перми. Отслужив в Армии России положенный срок, с почестями в звании полковника, наш доблестный солдат – вышел в отставку. Его Папа – Василий Петрович Толстиков, прошедший всю Отечественную войну, плодотворно проработал на заводе им. Дзержинского токарем. Мы с Василием Петровичем были настоящими крепкими друзьями. И приезжая в Пермь, мы всегда устраивали весёлые посиделки и долгие душевные разговоры. Зинаида и Василий очень мне помогли при строительстве дачи на загородном садовом участке моей тёщи во время своего летнего отдыха. Я, случайно, оказавшись в Москве, вовремя получил телеграмму о их приезде и встретив их на Курском вокзале, сразу же увёз всех на нашу будущую дачу.

Приезд Зинаиды и Василия был для меня настоящим подарком! Зинаида нам готовила еду, а мы с Васей начали строить черновой пол для будущего дома. Неделя отдыха пролетела быстро, но их трудовые подвиги остались навсегда приятным визитом и хорошей помощью мне в строительстве дачного дома! Тяжёлые военные годы отрицательно сказались на здоровье Василия Петровича, и он рано ушёл из нашей жизни. Память об этом замечательном человеке навсегда останется в моей сердце. Володина мама – Зинаида Николаевна Толстикова, достойно прожила 86 лет и её жизнерадостность, душевная доброта и её сердечная любовь всегда будут рядом со мной и хорошим примером заботы о своих детях и о своих близких родственниках и друзьях!

Детство

Родился я в деревне Балатово Пермской области 31 марта 1934 года на восходе солнца – в четыре часа утра в доме из красного кирпича с большими резными окнами, принадлежавшем когда-то помещику Балатову. Революция 1917 года помещику пришлась не по душе, и он, не приемля бурного развития переустройства царской империи, предпочёл покинуть родные пенаты и переждать, пересидеть в стороне, пока душераздирающие перемены не улягутся, не успокоятся сами по себе.

Однако, покидая свой дом родной, Балатов побеспокоился о своём красивом доме и оставил в нём в качестве надсмотрщика и наблюдателя за происходящими вокруг событиями свою кухарку Пелагию с её малолетним младенцем Петром.

Судя по убранству дома и дворовых пристроек, помещик жил на широкую ногу...

В его подворье было три амбара для хранения зерновых. Большой сарай для бывших лошадей и повозок. Под крышей сарая был обустроен большой сеновал, под домом был большой подпол, где хранились в основном овощи. Был глубокий ледник-яма с лестницей для хранения быстро портящихся продуктов и охлаждения молока, поступающего на переработку для получения сметаны, сливок и сливочного масла.

На задах поместья был большой огород и небольшой сад, где были яблони, сливы, груши. Были также кустарники крыжовника, чёрной смородины и было много малины и ежевики.

В саду у помещика в ближайшей близости от господского дома было также много цветов и даже как-то неожиданно росли подсолнухи, словно говорящие нам: «И мы тоже цветы», – особенно в летнюю пору. Помещик, вероятно, очень любил георгины и пионы, и этих цветов, в основном красного цвета с различными оттенками от фиолетового до жёлтого, было просто целое море! Создавалось впечатление, что помещик просто ненадолго вышел из своего сада куда-то по каким-то неотложным делам и вот-вот скоро вернётся, сядет на свой венский стульчик и беседа продолжится. Но, время шло и шло, а помещик так и не собрался, чтобы вернуться к себе домой.

Это Я! Нечаев Борис Николаевич. И мне уже три года!

При входе в огород с левой стороны стояла большая старая раскидистая черёмуха, которая по осени приносила большие сладкие ягоды. Ягоды черёмухи использовали как для приготовления варенья, так и для пирогов с черёмухой. Спелые ягоды черёмухи сушили и использовали как лекарство при расстройстве желудка.

Осенью я частенько забирался на черёмуху и просиживал на ней часами. Мне казалось, что это самое большое дерево. Я пробовал обхватить черёмуху с земли, и даже в два обхвата мне это не удавалось. Это было очень старое и очень толстое дерево, а на высоте около двух метров по всей округе от ствола дерева отходили три толстенных, как кряжи, ветки. На этих ветвях можно было устроить себе лежанку, но спать там было нельзя – ещё ненароком свалишься, и тогда тебе здорово попадёт или от бабушки Вари, или от мамы. Они у меня были очень строгими – не забалуешь! Мои родители Клавдия Андреевна и Николай Дмитриевич после полного разорения хутора Нечаевых во время Гражданской войны снимали в этом помещицьем доме самую большую комнату с окнами, выходящими с одной стороны на проезжую дорогу, с другой – прямо в сад. Большие три окна, выходящие на дорогу, по которой всё время проходили люди и проезжали повозки, всегда были занавешены. А окно, выходящее в сад, всегда было приоткрыто наполовину. И когда бы ты ни вошёл в комнату, эти цветы были всегда видны! А в па-

лисаднике прямо перед домом росли высокие крупные алые маки, подсолнухи и много-много разных цветов.

Было очевидно, что бывший помещик очень любил это место! Там стоял старый рассохшийся большой круглый стол и четыре рассохшихся от времени венских стула. Создавалось впечатление, что хозяин этого места покинул его в спешке, но какие-то тяжкие обстоятельства до сих пор не пускают его в родные места.

Да! Хозяин ушёл, или его «ушли» с насиженного места, оставив свою кухарку Пелагию с младенцем – сторожить его поместье.

В этом помещичьем доме в 1937 году, 26 апреля, и родился мой брат Николай. Маленькое живое существо принесли домой к полудню, и он тут же дал о себе знать своим криком, требуя себе питания! Мама вынула своего ребёнка из конвертика и начала его кормить грудью! И так наша семья увеличилась ещё на одного будущего мужчину!

Так как кухарка (Пелагия) была очень обременена своим малолетним сыном, то она разрешила нам (моим родителям) безвозмездно пользоваться огромным помещичьим огородом, на котором мы всей семьёй вместе с бабушкой Варварой Ивановной выращивали в основном картофель, свёклу, морковь, капусту, лук, горох, репу и огурцы. Из мелочей мама любила выращивать бобы, мак, укроп, сельдерей и подсолнухи. Земля у помещика была очень хорошая, рыхлая, тёмного цвета, и по ней приятно было бегать босиком. В этом по-

мещицьем поместье я помню себя с двух лет. Хорошо помню, что из одежды у меня была только одна рубаха. Мы были словно погорельцы... Да и на самом деле были таковыми. Убегая с хутора во время нападения и грабежа не то белых, а может быть, и красных, что успели, то и прихватили с собой.

Я припоминаю эмалированный горшок зелёного цвета с крышкой, который мама успела схватить вместе с тряпками, – использовали и как горшок для ребёнка, и как ёмкость для того, чтобы отварить картошку в мундире, или свёклу, или морковь...

Пелагея была доброй и отзывчивой женщиной и разрешала нам пользоваться безвозмездно всей своей кухонной утварью. Мы тоже отвечали ей взаимной помощью, в которой Пелагея нуждалась, так как маленький ребёнок обременял её значительно. Все дети – любопытны, и я тоже был таким же любопытным и любознательным! Я вспоминаю, как Пелагея, взяв из шкафчика трёхгранный напильник, пошла с ним во двор... Я догнал её и спросил:

– А можно мне с вами? Я хочу посмотреть, что вы будете делать напильником, – поинтересовался я. В это время я уже прекрасно знал, что трёхгранным напильником можно хорошо наточить, например, большую двуручную пилу.

А тётя Пелагея, вероятно, подумала, что я ещё маленький, и показала мне свои зубы и сделала жест, что собирается их точить. И я подумал, какая она смешная – думает, что я ни-

чего не понимаю! Показывает мне свои зубы, да ещё и смеётся, как будто бы после точки зубов тётя Пелагея и меня сможет укусить!

Для распашки барского такого большого огорода отец быстро нашёл двух мужиков с лошадьми, и огород ловко и даже очень быстро превратился в распаханное поле для посадки всех необходимых сельскохозяйственных культур и, конечно же, в первую очередь для посадки картофеля и огурцов.

Пахали землю сохой (бывший барин оставил на подворье даже две сохи), но в оглобли здесь, в деревне Балатово, ставили не быков, как обычно в деревне, а лошадей. К моменту окончания Гражданской войны в деревне не осталось ни одного быка. Всех порезали, чтоб накормить солдат воюющих сторон. Кормили всех, независимо от того, кто красный, а кто белый. Все хотели кушать и скотину просто забирали у крестьян, выдавая крестьянину РАСПИСКУ о заимствованном имуществе (птицы или скота)!

Мужики пахали огород с противоположных сторон, сходясь в середине поля – из распаханной земли выползали червяки, обеспокоенные взрывлением земли, и на этих обнажённых червей тут же совершенно неожиданно налетали птицы, которые как будто бы поджидали откуда-то момент истины и разом набрасывались и склёвывали почти всех червей, которые были на поверхности – одного за другим.

Распаханную землю оставлять открытой надолго – нель-

зя! Земля может пересохнуть, влага из земли уйдёт, и тогда всходы будут поздними и урожай будет скудным. Конечно же, очень было бы желательно, чтобы после посадки картофеля прошёл бы дождичек, хотя бы небольшой – тогда совсем другое дело! Пока мужики пахали огород, все остальные труженики вынимали из погребов семенной картофель и высыпали на поляну, обогретую солнцем. Под солнцем картофель лежал не менее трёх-четырёх часов. Конечно, это была самая настоящая яровизация картофеля перед посадкой. Как правило, сразу же после боронования вспаханной земли приступали к посадке картофеля. Время терять – нельзя! Поле рыхлое! Влага из земли испаряется и испаряется! А после посадки землю, чтобы удержать в ней влагу, уплотняли с помощью круглого толстого бревна, используя для этого дела тех же самых лошадей, что и для вспашки и боронования земли. После такой прикатки земля выглядела ровной, как столешница, и даже немножко блестела. В общем, получалось так, что в один и тот же день и пахали, и бороновили, и сажали картофель. А после такого далеко не лёгкого трудового дня ужинали все вместе и обязательно с чарочкой хмельного.

По осени выращенный урожай складировали на хранение в амбары. И опять же – сперва картофель подсушивали и только сухим засыпали в амбары на хранение. Пелагея, хранительница барской усадьбы, пользовалась всеми плодами урожая безвозмездно и без ограничения.

Огурцы солили в больших дубовых бочках и опускали в ледник. Капусту тоже солили в больших бочках и тоже опускали в ледник.

Надо отметить, что соление огурцов и квашение капусты – это настоящее искусство! Как приготовишь тару (бочку), как и какие ингредиенты приготовишь по той или другой технологии, такой и получишь конечный продукт. К примеру, будут ли у тебя огурчики хрустящими или размазнёй. Размазня получается всегда, когда огурцы не охлаждают. А если есть рядом речушка и бочку утопить в речную воду, то обязательно получатся вкусные хрустящие огурчики! Так же и с капустой: переборщишь с укропом, или сельдереем, или с чесноком, или с хреном, или с листом смородины – так и получишь не радость на душе от вкушения, а чёрт-те что... Местные (деревенские) мужики и бабы тоже понимали толк в этих делах, но как только распробовали в зимнюю пору огурцы и капусту, приготовленные по нечаевскому рецепту, так сразу же по осени пришли к нам на подворье помогать и огурцы солить, и капусту квасить.

Отец хотел этим помощникам заплатить за помощь, а они ему в ответ сказали:

– Нет, Николай! Это мы тебя и твою жёнушку должны благодарить за учёбу. У нас ведь до тебя ни огурцы, ни капуста квашеная так долго не хранились, как у вас! Мы раньше-то бочки готовили что под огурцы, что под капусту – путём мытья бочек вехотью да горячим кипятком, а ты, смот-

ри-ка, показал нам, что перед загрузкой бочки огурцами или капустой надо вымытые бочки ещё и бучить (обрабатывать горячим паром)! Мы ведь раньше-то такого никогда сами-то и не делали. А тут гляди-ка, как получается – паром-то обработал бочки, так сразу же бочка-то и по-другому даже пахнет! Это ж что получается, дорогой ты наш Николай! Ты сперва бочки-то отмыл, а затем – пропарил! Полная дезинфекция получается. А в такой-то таре и продукт-то по-другому сохраняется, да и вкус продукта совсем другой получается! Нет! Дорогой ты наш Николай! Мы не наёмные тебе работники на время страды, а твои ученики... Мы ведь все из одной и той же деревни Балатово!

Ты, Николай, не обессуди нас, мы ведь народ сметливый. Мы заметили за тобой, как ты семенной-то картофель насыпал на поляне сразу после росы да и потом поворачивал и грел на солнышке. Ты человек у нас новый, вот мы и подглядываем за тобой, а ты и не сердись – значит, ты, Николай, наш мужик-то! Послушай-ка и погляди, что мы раньше-то делали! Мы-то до тебя семенной картофель прямо из мешков раньше бросали в борозду, а у тебя иная технология получается.

Теперь и мы тоже будем перед посадкой картофель-то яровизировать. Спасибо тебе! Ты теперь наш учитель! И если что – обращайся! Мы всегда тебе поможем! Ни в чём не откажем!

Вот так сложился в деревне Балатово новый настоя-

щий дружный коллектив взаимопомощи и взаимопонимания между аборигенами и погорельцами...

В то время наша семья была уже большая и состояла из семи человек (бабушка Варвара Ивановна, папа, мама, старшая сестра Зинаида Николаевна Нечаева, старший брат Анатолий Николаевич Нечаев, я, Борис Николаевич Нечаев, и мой младший брат Николай Николаевич Нечаев).

Я хорошо помню, а в то время мне было уже три года, как моего младшего брата Николая привезли из Пермского родильного дома, укрытого почему-то в розовое одеяльце (вероятно, голубые одеяла, в которые обычно заворачивали мальчишек, в то время уже все раскупили и в магазинах остались только розовые цвета). Странно, но факт: в то время, в 1937 году, мальчиков родилось значительно больше, чем в предыдущие годы.

Пожилые люди поговаривали: «Ну, если в этом году родилось столько много мальчиков, берегись! Скоро будет война, будь она проклята!» И действительно вскоре случилась война с Японией. И на Дальний Восток покатались эшелоны с солдатами Красной армии, и с пушками, и с пулемётами, да ещё и с танками.

В Балатово я жил вместе со всей моей большой семьёй с двух до пяти лет, и четыре эпизода, которые произошли со мной в эти последние два года (с 37-го по 39-й гг.) мне очень хорошо запомнились.

Пелагея, хозяйка большого барского дома, увидев, что

новорождённого ребёнка некуда было положить, поднялась быстренько на чердак дома и стащила оттуда маленькую люльку. Принесла два табурета и на них положила люльку, приговаривая:

– Вот эта люлька моего сына. Он уже из люльки-то вырос, так, пожалуйста, не побрезгуйте! Возьмите эту люльку и положите в неё вашего новорождённого Николая Николаевича! Если согласны, то давайте я сейчас же нагрею воды, и мы вместе вымоем люльку, и пусть она теперь вам послужит немножко, пока ваш сын не вырастет из неё...

Мама, конечно же, согласилась! А какие могли бы быть варианты, когда у моих родителей в связи со сложившейся ситуацией из былого в наличии оказался только один зелёный горшок с крышкой. И все женщины начали весело и улыбаясь хлопотать. Нагрели воды, навели щёлок и детскую люльку хорошо вымыли, высушили и украсили кружевами, словно это не мальчик родился, а девочка. Вот так я и познакомился со своим младшим братом Николаем, когда его принесли из родильного дома!

Мне было очень интересно, как это взрослые женщины радуются появлению нового человечка! Неважно, чей ребёнок, твой или чужой! А они все радуются и улыбаются! Ведь когда продукты приносят домой, женщины же не собираются, чтобы порадоваться, а тут – у всех улыбка на лице, и они все радуются!..

Мама, покормив Николая грудью, прилегла немножко от-

дохнуть и заснула. Я внимательно смотрел на маму, и мне показалось, что она одним глазом спит самым настоящим сном, а другим – подсматривает за своим новорождённым малышом Николаем, дабы никто его не побеспокоил и не обидел. И я подумал, а как это мама может одним глазом спать, а другим – ребёнка своего стеречь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.